

#8 (48), 2019 część 7

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#8 (48), 2019 part 7

East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie
85/21, 02-001 Warszawa, Polska»**

**Wschodnioeuropejskie Czasopismo
Naukowe**

**Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska**

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-
001 Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

**Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw,
Poland**

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

Захарова Д. Р. Особенности использования аббревиатур в английском языке.....	4
Патрушева О.А. Иноязычные фразеологические комплексы и их функционирование в тексте	12
Шовкопляс Ю. О. ПРОБЛЕМА визначення поняття літературної і нелітературної розмовної мови (на прикладі англійської мови США).....	17
Нікольчук І.В. ІСТОРІЯ РОЗВИТКУ ВОЛОСНИХ СУДІВ В УКРАЇНІ. ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ СПРАВ ВОЛОСНИХ СУДІВ ІЗ СЮЖЕТАМИ БАЛАД КИЇВЩИНИ	22
Strochenko L.V. CONCEPT GENIUS IN THE ENGLISH PICTURE OF THE WORLD.....	27

Философские науки

Ахматов В. В. ПРОБЛЕМА ЗЛА, ГРЕХА И СВОБОДЫ В ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ	32
Вишев И.В. УСТРАНИТЬ ЕСТЕСТВЕННОЕ СТАРЕНИЕ И ФАТАЛЬНОСТЬ СМЕРТИ ИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ	37
Nasiedkina O. O. NON-CLASSICAL PHILOSOPHY AND THE LOST GENERATION LITERATURE	44

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Захарова Динара Рифкатовна

магистрант

Кафедра английского языка

Бакирский Государственный Университет им.М.Акмуллы г.Уфа

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АББРЕВИАТУР В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

Аннотация. В данной статье исследуются методы использования аббревиации в современном английском языке. В настоящее время именно аббревиация является одним из основных методов словообразования, поэтому изучение и анализ особенностей аббревиации является крайне важным.

Ключевые слова: Аббревиатура, Аббревиация, Сокращения, Языковые знаки, Словосложения, Инициализмы, Акронимы.

Широкое развитие аббревиации и использование сокращенных лексических единиц стало общей тенденцией для многих национальных языков; число сокращений в мире растет с большой скоростью и становится трудно учитывать все появляющиеся аббревиатуры.

Быстрое и непрерывное увеличение количества информации, широкое распространение сложных, неоднословных наименований, особенно в терминологии и номенклатуре, вызывает естественное стремление пишущих сократить объем текста путем введения в него разного рода аббревиатур, что ведет к увеличению кода, появлению особых знаковых единиц, при этом язык обеспечивает взаимодействие отправителя вербального (словесного) сообщения и его получателя, адресата.

Создание аббревиатур – один из больших и быстроразвивающихся процессов; это – естественная, старая и универсальная тенденция языка. Однако прогрессирующее пополнение фонда аббревиатур становится существенным фактором, который заслуживает изучения, оценки и поисков рационального подхода к нормализаторской деятельности (Баркударов. 1970: 46).

Согласно толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля, слова «аббревиация», «аббревиатура» (ж. лат.) имеют следующие значения: сокращение, укорочение и пропуски в письме; означение слов начальными буквами, вязью, условными знаками; письмо под титлами.

Аббревиатура – (итал. abbreviatura, от лат. abbrevio – сокращаю) – существительное, состоящее из усеченных слов, входящих в исходное словосочетание, или из усеченных компонентов исходного сложного слова. Последний компонент аббревиатуры может быть также целым (неусеченным) словом (Даль. 1956: 32).

Образование аббревиатур (аббревиация) как особый способ словообразования, направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами (словосочетаниями или словословиями) синонимичных им номинаций, получило широкое распространение в русском и основных европейских языках в XX веке.

Разновидностью аббревиации является образование (преимущественно в разговорной речи и просторечии) кратких словечек-синонимов более длинных слов: спец (специалист), зав (заведующий). Эта разновидность аббревиации наиболее старая, к ней также относится образование сокращенных неофициальных (фамильярных) вариантов собственных личных имен, например: Дима (Дмитрий), Катя (Екатерина).

Определения сокращений очень многочисленны и неоднородны, поскольку до настоящего времени не выработана универсальная теория аббревиации и нет унифицированного определения самому феномену аббревиатуры: все работы, посвященные проблеме сокращений, не охватывают ее полностью, рассматривая разный круг проблем, и дают разное понимание самого термина.

Одной из важнейших функций языка является информативная функции, сущность которой состоит в передаче знаний, причем языковые знаки имеют разную степень семиотической глубины в процессе общения: от минимального «ближайшего значения слова» до широкого культурно-исторического фона, связанного с дальнейшим значением слова» (Потребня. 1913: 38). Между национально-специфической универсальной частями словаря располагается обширная часть лексики со слабо выраженными культурно-специфическими характеристиками. Точнее было бы сказать, что для значительного числа слов и выражений конкретного языка национально-культурный компонент значения является вторичным, проявляется в специальном объяснительном контексте. Национально-культурный компонент значения рассматривается в лингвистике как внутренняя форма языка, как специфическая категоризация мира средствами определенного языка, как концентрированное выражение культурного контекста, как часть концептосферы языка.

Начало процесса сокращения слов относится к глубокой древности. Аббревиатура в разных видах записанной речи так же стара, как сам письменный язык. Аббревиация (от лат. abbrevio – сокращаю) ведет свою историю от шумеров, чья письменность

считается первой из зарегистрированных на Земле (IV в. до н.э.). Сам термин *élleipsis*, означающий упущение, пропуск, был создан и употреблялся в риториках и грамматиках Древней Греции во II-III вв. до н.э. наряду с шумерским (IV в. до н.э.). Под этим термином подразумевалось и сокращение средств языкового выражения, особенно в структуре предложения, краткость которого по сравнению с полным или логически правильным представляла собой незаконченность или сокращенность. Античные ученые и риторы полагали, что вновь образованные сокращенные единицы имели другую эмоциональную окраску по сравнению с теми полными вариантами этих единиц, которые традиционно выражали данное значение. Считается, что греки впервые обратили внимание на то, что эллиптические слова могут использоваться в качестве языкового средства влияния и воздействия на адресата речи; Кроме того, они делали различие между риторическим и грамматическим эллипсисом. В современном английском языке развилось сокращение *Xmas* ^hri'stos, *X* < *chi*, *p.Chr.n.* < *post Christum natum* (от рождения Христова).

Сокращение слов было распространено и в Древнем Риме. При изучении римского военного присутствия в Херсонесе (середина II – первая треть III вв.) было сделано несколько археологических открытий, позволивших выявить принципиально новые моменты в организационной структуре римских войск, дислоцировавшихся в Херсонесе и его округе (Зубарь. 2000: 63). Среди керамической эпиграфики Херсонеса стало известно клеймо на черепице с аббревиатурой *VEMI*, которое предлагалось расшифровать как [*opus*] *ve*(*teranorum*) *mi*(*ssiciorum*) и видеть в черепице с такими клеймами продукцию, изготовлявшуюся группой ветеранов римской армии, которая жила в канаве херсонесского гарнизона. Однако такое восстановление аббревиатуры *VEMI* не было принято и было предложено расшифровывать это клеймо как *V*(*exillatio*) *e*(*xercitus*) *M*(*oesiae*) *i*(*nferior*). Однако такое восстановление до последнего времени рассматривалось лишь в качестве одного из возможных вариантов расшифровки аббревиатуры *VEMI*, так как сокращение *V* < *vexillatio* не является характерным для латинской эпиграфики. Однако во время раскопок на территории Балаклавы остатков культового комплекса, связанного с почитанием римскими военными Юпитера Долихена, была обнаружена надпись, в которой упоминался известный военный трибун Антоний Валент. В отличие от уже известных эпиграфических памятников, в новой надписи, которая являлась фрагментированным посвящением Геркулесу, его должность обозначена как *trib(unus) milit(um) vexill(atio) exerc(itus)*, которую можно дополнить как *M(oesiae) i(nferior)*. Исходя из этого, была правильно восстановлена аббревиатура клейма *VEMI* как *V*(*exillatio*) *e*(*xercitus*) *M*(*oesiae*) *i*(*nferior*). Следовательно, нетипичное для латинской эпиграфики сокращение *V* < *vexillatio* было

продиктовано не законами языка, а желанием экономии места при изготовлении матрицы клейма. Латинские надписи, обнаруженные на территории Балаклавы, свидетельствуют о том, что черепица с клеймами *VEMI* начала изготавливаться римскими военными в середине – третьей четверти II в. К тому же времени относится черепица с клеймами *OPUSNOV* < *opus nov(um)*, обнаруженная в Херсонесе и на территории Балаклавы и отождествляемая с Новием Ульпианом (*Novius Vlpianus*), центурионом I Итальянского легиона. К третьей четверти II в. относятся и два фрагмента черепицы с клеймами *OPVS PVBLIC* или *OPVS PVBLIC(ii)*, обнаруженные в Херсонесе и Балаклаве, а также *VEX/CRAVSP* – *vex(illatio) c(classis) Rav(ennatis) s(umptu) p(ublico)*, обнаруженных при раскопках. Харакса []. На памятники керамической эпиграфики с названием XI Клавдиева легиона, обнаруженные в Херсонесе подавляющее большинство керамических клейм имело аббревиатуру *LE XI CL* < *LE(gio) XI CL(audia)*, но были найдены и фрагментированные клейма с буквами *VEXLE* и *LEXI* < *VEX(illatio) LE(gio) XI CL(audia)*, появление которых датируется рубежом II – III вв.

Римляне писали *AUC* вместо *Anno urbis conditae*, исчисляя время с 753 г. до н.э. – года основания Рима. С помощью, так называемой суспензии, т. е. используя начальные буквы слов, они сокращали сначала имена собственные, а в дальнейшем и другие слова (*cos.* < *consul*, *v.c.* < *vir clarissimus*). Повторение одной и той же буквы обозначало множественное число (*ccoss.* < *consules*, *vv.cc.* < *viri clarissimi*, *NN.BB.* < *nobilissimi*, *NH* < *heredes*). Аналогичные сокращения встречаются в греческих курсивных папирусах и надписях на бронзовых монетах, которые сами по себе не имели большой ценности и чья покупательная номинальная способность подтверждалась соответствующим специальным постановлением сената (*SC* < *Senatus Consulto*). Аббревиатуры использовались также для сокращения единиц меры и веса. Почти все бронзовые монеты, выпущенные до конца 3 века н.э. имеют на обратной стороне монеты буквы *SC*. Также в эпоху империи было выпущено несколько серий монет из драгоценных металлов, которые имели надпись: *EX SC*.

Аббревиация получала широкое распространение. Римские юристы, например, так часто прибегали к суспензии, что были составлены своды сокращений (*Notae iuris*), которые дошли впоследствии до средневековья. Метод контрактуры, т.е. сокращение слова с помощью его начальных букв и окончания, греки использовали вначале для сокращения написания так называемых *Nomina sacra* (священных имен) ср.: *ths* < *theos* (бог). Римляне заимствовали эту систему и применяли ее и для обозначения обычных понятий ср.: *frs* < *fratres* (брат), *gra* < *gratia* (благодарность) (Зубарь. 2000: 87).

Причина появления и распространения аббревиального способа словообразования в латинском языке лежит в проявлении общезыковой тенденции к экономии и связана с необходимостью фиксации новых фрагментов общественного опыта лексическими средствами. При этом аббревиация оказывалась одним из способов, отвечающих прагматическим установкам словопроизводства. Являлась ли аббревиация способом словообразования, получившим распространение на территориях древних государств, в частности Римской империи, можно судить лишь по достаточно многочисленным литературным памятникам, однако не отражающим особенности и характеристики всего национального языка, поскольку коммуникация в социуме не может проходить только в форме письменного общения, ее вербальный аспект чрезвычайно важен для функционирования любого языка. Язык существует только в обществе и мире людей, и каждый языковой процесс и явление находит свое отражение и преломление на всех уровнях языковой системы; начинаясь в устной речи он переходит в другие стили языка, а, начавшись в научном или официальном функциональном стилях, он через другие переходит в устный, при этом отражение носит национально обусловленный и исторический характер; чем, например, более высокой является степень демократизации художественной литературы, тем большее воздействие оказывает разговорная речь на язык художественной литературы.

Исходя из того, что аббревиатурные процессы отражают логику, характерную для развития любого национального языка, стремящегося к простоте языкового выражения и сохранению его информационной значимости для целей коммуникации, мы считаем, что аббревиация первоначально возникла лишь как средство экономии в письменности, лишь намного позднее (в английском языке – в 16 в., в русском – в конце 19 в.) сокращенные единицы стали сначала появляться в разговорной речи и уже потом переходить в стили письменной речи, исключения, конечно, составляет терминология и авторская неология. Об этом, в частности свидетельствует тот факт, что наиболее древними, возникшими стихийно, можно считать инициальные сокращения буквенного типа, поскольку питательной средой для них служила письменность как таковая. Именно на письме в том или ином языке неизбежно возникают графические сокращения, с лексикализацией отдельных из них, так как процесс опрощения сложных единиц любого типа неизбежен (Панов. 1968: 13).

Язык образует наиболее сложную и развитую знаковую систему (Соссюр. 1955: 165), обладающую не только исключительной сложностью строения и огромным инвентарем знаков (особенно назывных), но и неограниченной семантической способностью, т.е. способностью к передаче информации относительно любой области

наблюдаемых или воображаемых фактов. Практически любая информация, переданная посредством неязыковых знаков, может быть передана с помощью языковых знаков, в то время как обратное часто оказывается невозможным. Декодирование признаков реализуется как психологически, так и лингвистически путем семантического согласования признаков. Лингвистическое моделирование признакового развертывания осуществляется системой языковых категорий, развертывание которых определяется типологическими тенденциями языка.

Поскольку цель всякой речи состоит в передаче значений, которая возможна лишь при помощи знаков, языковой знак, участвуя в осуществлении коммуникативной функции языка, выступает как заместитель, материальный представитель мысли в процессе общения. Знак «освещает» мысль (Стернин. 1979: 64), дает возможность передать и воспринять ее. Значением знака в общесемiotическом плане является закрепленное за ним некоторое абстрактное содержание, для передачи которого и служит данный знак. Таким образом, знак – это нечто воспринимаемое, что способно информировать как о себе самом, так и о чем-то другом, что находится за пределами самого знака (Богданов. 1977: 345).

Две стороны языкового знака. Будучи поставлены в отношения постоянной опосредованной сознанием связи, составляют устойчивое единство, которое посредством чувственно воспринимаемой формы знака, то есть его материального носителя, репрезентирует социально приданное ему значение (Уфимцева. 1986: 165). Только в единстве и взаимосвязи двух сторон языкового знака сознанием фиксируется, а знаком обозначается и выражается определенный фрагмент действительности, вычлененные факты и события. Обе стороны знака взаимно обуславливают и предполагают друг друга, однако подчиняются общему закону асимметрии в языке (Гак. 1980: 35), т.е. в отношениях означаемого и означающего может наблюдаться нарушение в области системы (неравномерность развития ее сопоставимых звеньев, структуры (нарушение взаимодозначного отношения означаемого и означающего) и функционирования (возможность выражения в речи одного и того же разными формами или использования одного и того же знака для выражения различного содержания). В конечном итоге язык, или языковая система предстает как сложное образование, члениющееся на три стратума: смысловой (содержательный, контентивный), звуковой (фонологический) и связывающий их между собой трансляционный, т.е. язык является важнейшей знаковой системой и отличается от всех остальных вспомогательных (специализированных) знаковых систем целым рядом признаков (Маслов. 1972: 38).

Исходя из сказанного, представляется возможным рассматривать аббревиатуру образованием, наделенным всеми признаками языкового знака:

1. она является двусторонним образованием, т.к. подобно любому языковому знаку репрезентирует предмет как устойчивое единство сторон мыслительного содержания (означаемого) и фонематически расчлененной звуковой последовательности (означающего);

2. с помощью чувственно воспринимаемой формы аббревиатуры происходит реализация приданного ей социумом значения;

3. аббревиатура, как и любой языковой знак, обозначает и выражает некий фрагмент действительности.

Представляя собой языковой знак, аббревиатура асимметрична. Так, на уровне системы наблюдается неравномерность развития ее составляющих. Например, некоторые аббревиатуры могут служить производящей основой для новых слов языка, другие лишены такой способности даже в речи. На уровне структуры не только одно означающее может иметь два и более означаемых, например: GASP < Group Against Smoke and Pollution и Greater Washington Alliance to stop Pollution; PR < public relations и personal rating, но и несколько означающих могут иметь одно означаемое (US и USA). В сфере функционирования аббревиатур языковая асимметрия может проявиться в том, что говорящий в речи использует одну и ту же форму для передачи разных значений.

Динамическая асимметрия аббревиатур выявляется при анализе их удельного веса в языке на разных этапах его развития. Массовое вхождение аббревиатур в язык совпало с началом XX в., явившись следствием экстралингвистических процессов. Наконец, в сопоставительном аспекте аббревиатуры асимметричны, поскольку их количество, функции и модели зависят от типа, к которому принадлежит тот или иной язык.

Таким образом, язык является знаковой по своему устройству и коммуникативной по своему назначению системой, используемой людьми ради коммуникативных целей передачи информации, знаний о мире и о себе; обладает неограниченной информационной значимостью, так как служит передаче информации любого рода о любом событии, факте, явлении, ситуации реального и представляемого мира. Так как возможности познания мира человеком беспредельны, а человеческая память ограничена, язык устроен таким образом, чтобы с помощью конечного числа элементов передать бесконечное множество сообщений. Язык имеет в своем инвентаре в принципе конечное число воспроизводимых элементарных знаков типа морфем и слов и ограниченное число способов конструирования бесчисленного множества новых. Неповторимых сложных знаковых образований типа словосочетаний, предложений и текстов. Языковой знак двусторонен. Одну сторону знака образует означаемое (сигнификат, содержание), другую сторону знака образует означающее (сигнификат, выражение, экспонент). Обе стороны языкового

знака тесно связаны, одна сторона невозможна без другой. Это единство – обязательное свойство морфемы, слова, словосочетания, предложения, текста.

Знак существует для того, чтобы с его помощью назвать, обозначить выделенный сознанием предмет, признак, действие, состояние, положение дел, ситуацию, событие и т.д. Тот или иной предмет действительности становится денотатом лишь как противоположность знака, т.е. в рамках конкретной знаковой ситуации и в конкретном акте высказывания. Денотат – это не просто предмет, а предмет, выделенный (как целое или в отдельных своих сторонах) для наименования. У многих (но не у всех) означающее и означающее связаны условным (конвенциональным) или произвольным (арбитрарным), образом, т.е. эта связь не зависит от природных факторов, не является причинно-следственной: именно поэтому знаки одного языка могут отличаться от знаков другого языка, однако связь данного означаемого и данного означающего является в принципе обязательной в данном языковом коллективе. Отдельный говорящий не может нарушить эту связь, не рискуя оказаться непонятым. Вместе с тем стороны знака (в соответствии с законом о его асимметрической природе) могут как бы «скользить» относительно друг друга, и в итоге одному означаемому в соответствие могут быть поставлены два или более означающих. Ни один знак не существует в изоляции. Он существует лишь как элемент системы, противопоставляясь (образуя оппозиции) другим знакам этой же системы, отличаясь от них одним или более чем одним дифференциальным признаком. Совокупность дифференциальных признаков, которые характеризуют отношения данного знака к другим знакам, образует основу для опознавания (идентификации) этого знака в различных контекстах его употребления. Как означающее, так и означаемое знака могут члениться на отдельные компоненты, которые не являются сами по себе знаками, и изучаться в аспекте их строения, их отношения к именуемым объектам и внутренней структуре их смыслового содержания, их целенаправленного использования носителями языка в актах речи.

Таким образом, аббревиатурное образование является одним из языковых знаков, так как наделено всеми его характерными признаками и свойствами; его специфика и своеобразие может быть также выяснена при рассмотрении сокращенных единиц в соотношении с другими знаками языковой системы, а именно со словом и словосочетанием, поскольку аббревиация связано как со словом (с его номинативностью, двухплановостью и функционированием в качестве самостоятельной языковой единицы, к которой стремится аббревиатура в плане своего окончательного оформления и которая, как правило, появляется в результате процесса включения, сжатия, семантической конденсации), так и со словосочетанием (которое, как и слово, в

большинстве случаев является ее исходной единицей и за счет изменения, в системе которого она возникает) (Ярмашевич. 1982: 246).

Язык представляет своей эволюцией двоякую зависимость: от среды, в которой он существует, и от своего внутреннего механизма и устройства. Параллельно языковым изменениям, обусловленным воздействием внешней среды, выделяются изменения, не обусловленные внешними причинами, что позволяет говорить об относительной самостоятельности развития языковой системы. С другой стороны, и развитие системы языка осуществляется до известной степени независимо от некоторых частных сдвигов и обособленно от них. Отличительной чертой любого языка является его способность чутко реагировать на малейшие изменения в общественной культурной и повседневной жизни его носителей. Слова в языке создаются по определенным моделям, характерным для того или иного языка: путем аффиксации, словосложения, конверсии, аббревиации. Каждый из этих способов имеет свою типологию, которая, в свою очередь, зависит от общей типологической характеристики языка. Широкое развитие аббревиации и использование сокращенных лексических единиц стало общей тенденцией для многих национальных языков; число сокращений в мире растет с большой скоростью и становится необходимым учитывать все появляющиеся аббревиатуры. Их создание – один из больших и быстроразвивающихся процессов; это естественная, старая и универсальная тенденция языка.

Системность лежит в основе методики изучения языковых явлений, направленной на их рассмотрение как динамического компонента языковой структуры, то есть исключительно с точки зрения его роли в организации целого. «Не отдельные изменения приводят к изменению системы в целом, – подчеркивает С.Д.Кацнельсон, – а, наоборот, история системы, обусловленная присущими ей противоречиям, определяет историю отдельных фрагментов системы...» (Кацнельсон. 1986: 97). В силу качественной неоднородности наступающих изменений одни из них имеют прямое отношение к перестройке языка в целом, другие как бы скользят по ее поверхности, оставаясь на периферии системы, или даже вообще ее не затрагивают. Понятие системы языка, представляющей собой не только то, что есть в языке, в его нормах и речевых проявлениях, связано, прежде всего, с определением ее открытости и гетерогенности.

Абсолютный прогресс в области языковой техники может выражаться только в приспособлении языка к усложняющимся формам общественной и социальной жизни людей и вызываемым ими новым потребностям общения. Совершенствование науки, техники, общечеловеческой культуры, увеличение объема знаний о мире является источником возникновения новых понятий, для которых язык вынужден находить свое выражение. Условия жизни той или

иной нации, уровень развития материальной и духовной культуры, исторический путь, пройденный человечеством, войны и революции, великие открытия приводят к появлению новых объектов и процессов, новых впечатлений, а, следовательно, и к необходимости их названия (Bryant. 1974: 42). Увеличиваются общественные функции языка, расширяется его стилевая вариативность, слова приобретают способность обозначать самые тонкие нюансы значений.

Аспекты функционирования и развития языка тесно связаны друг с другом, но вместе с тем разграничены. Правомерность данного подхода обоснована описательным и историческим изучением языка уже давно (Бродуэн. 1973: 241).

Процесс словосложения в аббревиатурах, действующий на современном этапе развития языка и представляющий собой своеобразное свертывание или универбализацию словосочетания в одно слово, все более распространяется, отвечая нуждам коммуникации в экономии языковых средств выражения. Он становится возможным благодаря изменениям в системе словосочетаний, которые, во-первых, непосредственно связаны с семантическими процессами, происходящими в слове, а во-вторых, их развитие стимулируется тенденциями взаимовлияния и уподобления, действующими внутри самой этой системы. В результате происходит создание новых типов словосочетаний, по значениям и функциям дублирующих уже функционирующие более сложные структуры и в упрощенном виде воспроизводящих их общее строение, что в свою очередь приводит к обогащению и расширению уже существующих синтаксических рядов.

Такие более простые конструкции можно рассматривать либо как варианты, сокращенные формы уже существующих построений, либо как новые самостоятельные синтаксические образования. Более предпочтительным представляется второй подход, который находит свое подтверждение в форме данных образований и индивидуальном характере связи его компонентов; между словами, составляющими такое сочетание, отсутствует внутренне необходимая связь; в большей или меньшей степени ощущается эллиптичность, нарушенность последовательно развивающейся цепи подчинения. Кроме того, в том существенном обстоятельстве, что подобное сочетание способно само порождать синтаксические новообразования; между развернутыми и опрощенными сочетаниями отсутствует прямая генетическая связь; они могут существовать параллельно и принадлежать к разным стилям или типам речи; сочетания «опрощенного» типа могут возникать и самостоятельно, независимо от наличия развернутого словосочетания, благодаря самостоятельности и активности свободных и конструктивно закрепленных форм.

Хотя тенденция к экономии языковых средств изначально присуща языку (Будагов. 1983: 42), проявляется во всех языках и потому может быть

названа универсальной, реализуется она по-разному, на разных языковых уровнях, в разных микросистемах; пути и скорость ее проявления зависят от типологических характеристик самого языка. Типологически индоевропейский язык-основу и развившиеся из него диалекты можно, в общем, отнести к языкам синтетического, номинативного, флективного строя. Языки индоевропейских народов Западной Европы в большинстве своем демонстрируют утерю флективности, переходя к аналитическому строю, как, например, английский и французский.

Создание сокращенных слов-неологизмов, значительно пополнявших словарный состав английского языка в последние десятилетия, демонстрирует продуктивность этого типа словообразования и экономное расходование языковых ресурсов носителями языка. Происходит экономия места в письменной речи, сфере преимущественного использования сокращенных слов, так как вместо многокомпонентных и громоздких оборотов или сложных слов создаются цельнооформленные единицы, представляющие собой либо замены вышеназванных единиц, либо заполнение лакун в языке. Сокращение как способ словообразования представляет собой довольно обширный пласт слов в составе любого языка. Однако в лингвистике существуют разнообразные классификации сокращений. Вслед за Л.С. Рудинской предлагаю классифицировать сокращения на три структурных типа: слоговые, сложнослоговые и инициальные (Рудинская. 1997: 34). Слоговые сокращения образуются от начального слога слов, например: *deli* < *delicatessen*, *so* < *company*, *prop* < *property*. К сложнослоговым сокращениям относятся такие сокращения, которые представлены несколькими начальными слогами или начальным и конечным слогами словосочетаний: *sci-fi* < *scientific fidelity*; *sutcom* < *situation comedy*; *Forex* < *foreign exchange*, *Viagra* < *vigor + Niagara*, etc.

Сокращения является инициальный тип, состоящий из начальных букв. По орфоэпическому признаку его можно подразделить на собственно аббревиацию и акронимы.

Инициализмы. Которые образуются из начальных букв сложных слов или словосочетаний. Но произносятся как последовательно разложенные буквы алфавита, называются аббревиацией: *BFE* < *Baltic Futures Exchange*; *CVD* < *countervailing duty*; *FGT* < *federal gift tax*; etc.

Акронимы, в отличие от аббревиаций, произносятся не как отдельные буквы алфавита, а как слова: *ECU* < *European Currency Unit*; *IDOLT* < *Instrumentation Digital On-Line Transcriber*, *SNAFU* < *situation normal, all fouled up*, etc.

Как показывает анализ практического материала, акронимы могут быть представлены сочетанием, состоящим из начальной буквы или нескольких букв слов, входящих в словосочетание: *ALCO* < *asset-liability committee*; *CENTO* < *Central Treaty Organization*. Еще одной разновидностью акронимов являются такие, в которых первый

элемент сокращается до одной буквы, произносимой как буква алфавита, а вторая часть слова остается неизменной: *E-day* < *entry Day* или *D-day* < *Decimal Day*.

Еще одним типом словообразования, традиционно считающимся непродуктивным, является телескопический способ образования новых слов, который стал играть заметную роль в английском языке. В современной англистике существуют различные термины для его обозначения: «контаминация», «сращение», «стяжение», «слова-слитки» и т.д. Под «сращением» понимается образование нового слова из усеченных частей, как правило, двух или более слов, которые накладываются друг на друга. При этом не существует правил соединения частей слов: *Sheeple* < *Sheep + people*; *specs* < *secifications* (Максимова. 2003: 93).

Как мы видим, аббревиация в настоящее время стала полноправным способом словообразования, имеющим свои методы и правила. Словообразование с помощью аббревиации появилось не так давно, однако оно уже получило широкое распространение.

Ряд аббревиатур представляет собой креолизированные тексты, т.е. характерно не только словесное изображение, но и зрительный ряд, в большинстве случаев, цифры:

2L8 – Too Late

4 – For

B4N – Bye For Now

BBL8R – Be Back Later

L33T – Elite

NE1 – Anyone

W8 – Wait

W8N – Waiting.

Чаще всего в аббревиатурах используются цифры 8 и 4, чей фонемный состав [eɪt] и [fo:] обыгрывается в различных вариациях m[eɪt], l[eɪt]r, b[fo:], w[eɪt], [fɔ:]get и т.д.

Подобный прием шифровки используется и по отношению к буквам английского алфавита, например:

CU – See you

CUL – See you later

IKWUM – I know what you mean

IOU – I owe you

OIC – Oh, I see

U – You

Y – Why

Одной из разновидностей ремотивации является шутовское «раскрытие» аббревиатур, омонимичных уже существующим, например, **HAND** – Have a nice day. Подобные аббревиатуры называются акронимами. Акроним – это сложносокращенное слово, совпадающее по графическому и, в большинстве случаев, по фонетическому облику с обычным словом, как правило, коренным (root word). Примерами акронимов являются: **WOMBAT** (вомбат) – Waste Of Money, Brain And Time

GAL (девушка, молодая женщина) – Get A Life

JAM (затруднительное неловкое положение) – Just A Minute

SPAM (консервированный колбасный фарш) – Stupid Persons Advertisement

TIC (тик) – Tongue In Cheek

В некоторых случаях можно говорить о наличии смысловой связи между денотатом акронима и лексическим значением его омонима из разряда обычной лексики, как, например, в случаях с JAM, TIC.

Некоторые аббревиатуры обладают многозначностью, т.е. имеют несколько дефиниций, например: BBS – Be Back Soon/ Bulletin Board System

CU – See You/ Cracking Up

CUL – See You Later/ Catch You Later

G – Grin/ Gigggle

WN? – What Now?/ What Next?

WRT – With Respect To/ With Regard To.

Как известно, омонимичность аббревиатур является одним из показателей формирования новой терминосферы.

Подводя итог всему выше сказанному, необходимо отметить, что компьютерный жаргон – это особый лингвокультурный феномен, который находится в стадии бурного развития, поэтому дальнейшее изучение его особенностей представляется актуальным и перспективным.

Заключение

Аббревиатура – (итал. *abbreviatura*, от лат. *abbrevio* – сокращаю) – существительное, состоящее из усеченных слов, входящих в исходное словосочетание, или из усеченных компонентов исходного сложного слова. Последний компонент аббревиатуры может быть также целым словом.

Разновидностью аббревиации является образование кратких словечек-синонимов более длинных слов: спец (специалист), зав (заведующий). Эта разновидность аббревиации наиболее старая, к ней также относится образование сокращенных неофициальных (фамильярных) вариантов собственных личных имен, например: Дима (Дмитрий), Катя (Екатерина).

Представляется возможным рассматривать аббревиатуру образованием, наделенным всеми признаками языкового знака:

1. она является двусторонним образованием, т.к. подобно любому языковому знаку репрезентирует предмет как устойчивое единство сторон мыслительного содержания и фонематически расчлененной звуковой последовательности;

2. с помощью чувственно воспринимаемой формы аббревиатуры происходит реализация приданного ей социумом значения;

3. аббревиатура, как и любой языковой знак, обозначает и выражает некий фрагмент действительности.

Таким образом, аббревиатурное образование является одним из языковых знаков, так как наделено всеми его характерными признаками и свойствами; его специфика и своеобразие может

быть также выяснена при рассмотрении сокращенных единиц в соотношении с другими знаками языковой системы, а именно со словом и словосочетанием, поскольку аббревиация связано как со словом, так и со словосочетанием.

Аббревиация представляет собой разновидность универбации – морфолого-синтаксического процесса поэтапного преобразования функционального описания образа или предмета сначала в многословное словосочетание или коррелят аббревиатуры с последующим или одновременным преобразованием последнего в аббревиатурное имя предмета, при замене эксплицитной модели имплицитной, синтетической конструкции аналитической. Поскольку словосочетание, как и слово, наделено номинативной способностью, в силу своей характеристики оно часто служит производящей основой для новых слов – аббревиатур, которые, являясь словом, аккумулируют и развивают номинативную способность исходной формы. Не все типы словосочетаний одинаково активно производят аббревиатуры в языках разного строя. Однако универсальным является преобладание среди производящих аббревиатуры основ именных атрибутивных и объектных словосочетаний, как простых, так и комбинированных.

Список использованной литературы

1. Bryant M.M. Blends are Increasing // *American Speech*. 1974. V. 49. №1 – 4
2. Баркударов С.Г. О значении и задачах научных исследований в области терминологии // *Лингвистические проблемы научно-технической терминологии*. М., 1970.
3. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977
4. Бродуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963
5. Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? // *Вопросы языкознания*. 1972. №1
6. Будагов Р.А. Язык – реальность – язык. М., 1983
7. Гак В.Г. Об использовании идеи симметрии в языкознании // *Лексическая и грамматическая семантика романских языков*. Калинин, 1980
8. Даль В. Толковый словарь живого великого языка. Т. 1-4. , -М., 1956
9. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М., 1989
10. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // *Вопросы языкознания*. 1996. №3.
11. Зубарь В.М. О римских войсках в Херсонесе и его округе в свете новых открытий. // *Римская военная база и святилище Юпитера Долихена*. – Варшава, 2000
12. Исенин И.А. Сложносокращенные слова и суффикс именных образований «о» в современном французском языке // *Вопросы лексикологии*

английского, французского и немецкого языков. Иванов, 1961.

13. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986

14. Котова О.Е. Структура и семантика англоязычного компьютерного жаргона. Тольятти, 2001

15. Кулинич М.А., Левицкая А.П. Об одной модели производных существительных с агентивным значением в английском и немецком языках // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток, 1981

FOREIGN PHRASES IN ENGLISH AND THEIR USAGE IN CONTEXT

Патрушева О.А.

кандидат филологических наук, руководитель департамента иностранных языков, Московский
физико-технический институт (Национальный исследовательский университет)ИНОЯЗЫЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В
ТЕКСТЕ

Summary. Foreign phrases in English and different types of information they convey in English context are being considered in the article.

Аннотация. В статье исследуются иноязычные фразеологические комплексы и типы информации, которую они передают при их контекстной реализации.

Целью данной статьи является изучение функционирования иноязычных фразеологических комплексов в отрезках текста различного типа контекстно-вариативного членения. Характер членности текста, в котором функционирует та или иная единица, во многом определяет взаимосвязь контекста и иноязычных фразеологических комплексов. Существует несколько типов членения текста. И.Р. Гальперин выделяет объемно-грамматическое членение (деление произведения на часть, главу и т.д.) и контекстно-вариативное членение, согласно которому текст делится на речь автора, куда входят повествование, описание, рассуждение и чужую речь, включающую диалог, цитацию и несобственно-прямую речь (1).

Основная функция несобственно-прямой речи – изображение ситуации изнутри, с позиции лица ее непосредственно переживающего, а ее языковое выражение представляет собой сплав речи персонажа и речи автора.

Наиболее сложным и вариативным типом изложения является авторская речь. В ней осуществляются основные эксперименты автора с отдельным звуком, появляются окказиональные сочетания морфем, авторские неологизмы, здесь заложены основы образности.

Представляется важным изучение вопроса о функционировании иноязычных фразеологических комплексов в отрезках текста различного типа контекстно-вариативного членения. Необходимо выяснить, является ли употребление иноязычных фразеологических комплексов (далее ИФК) избирательным по отношению к отрезкам текста того или иного типа контекстно-вариативного членения. Интересным является также изучение роли ИФК в формировании различных типов фактуальной информации в контекстах разного типа членения. Можно выделить следующие типы фактуальной информации:

- Информацию-повествование (сюжет, динамика развития событий);
- Информацию-описание (изображение, оценка, комментарии);

- Информацию-рассуждение;
- Информацию субъектно-репрезентирующего характера.

Обычно один из первых трех типов информации является основным в том или ином отрезке текста, на основании чего данный отрезок текста определяется как повествование, описание или рассуждение.

В контекстах чужой речи доминирующим типом информации является субъектно-репрезентирующая, которая несет информацию о персонаже. Эта информация может характеризовать персонаж с социальной и психологической точек зрения, передавать его эмоциональное состояние в момент речи. Этот тип информации позволяет дать оценку персонажу, исходя из особенностей его речи. Субъектно-репрезентирующая информация занимает промежуточное положение между фактуальной и подтекстовой информацией, она характеризуется высокой степенью имплицитности.

В контекстах чужой речи происходит наложение разных типов фактуальной информации на субъектно-репрезентирующую. Одним из лингвистических средств передачи субъектно-репрезентирующей информации является отбор лексики и фразеологии, которую автор вкладывает в уста своих персонажей. Использование персонажами в своей речи иноязычных выражений может свидетельствовать об уровне их образования, их социальном статусе, степени начитанности, а также передавать их чувства и эмоции.

Обычно ИФК участвуют в передаче информации разных типов: в авторской речи – информации об объекте речи, в чужой речи – информации как об объекте, так и субъекте речи. Мы будем анализировать функционирование ИФК в речи автора и в чужой речи. На первом этапе устанавливается, представляет ли собой анализируемый контекст речь автора или чужую речь. Затем, по возможности, устанавливается, какого типа информация является доминирующей в контексте, и с помощью каких языковых средств

она формируется. Если среди них есть ИФК, то устанавливается его роль (основная или вспомогательная) в передаче доминирующего типа информации. На этом этапе анализа может применяться метод трансформации контекста путем опущения или замены ИФК. Когда ИФК не участвует в передаче информации доминирующего типа, учитывается его роль в передаче информации другого типа. Анализ проводится с учетом

Речь автора 65% ИФК		Чужая речь 35% ИФК	
Повествование	19	Диалог	21
Описание	29	Цитация	2
Рассуждение	17	Несобственно-прямая речь	12

Данные таблицы показывают, что иноязычные выражения чаще употребляются в речи автора, чем в чужой речи. Преимущественно употребление ИФК в речи автора подтверждает нашу мысль о том, что большая часть этих единиц относится к литературно-книжным устойчивым сочетаниям. Следует отметить, что функционально-стилистическая стратификация ИФК затруднена из-за отсутствия помет в словарях. Известно, что литературно-книжные единицы чаще употребляются в речи автора, чем в чужой речи. Что касается нашего материала, то анализ контекстных реализаций ИФК показал, что исследуемые единицы чаще употребляются в речи автора. Это является одним из доказательств книжности исследуемых комплексов.

Рассмотрим роль иноязычных комплексов в речи автора. Авторская позиция проявляется наиболее эксплицитно в его собственной речи. Точка зрения персонажа соответственно прежде всего проявляется в его высказываниях.

При рассмотрении роли фразеологической единицы в формировании семантики контекста неоднократно отмечалась роль позиционного фактора. В данном разделе мы рассмотрим роль ИФК в речи автора в трех основных позициях: в начале, середине и конце контекста.

В начальной позиции фразеологическая единица вводит тему контекста. Под темой контекста понимается конденсированное содержание контекста. Подобная структура контекста в нашем материале не является частотной. Это можно объяснить спецификой иноязычных выражений, которые могут оказаться малознакомыми некоторым читателям, поэтому авторы предпочитают помещать ИФК в середине или конце контекста. При этом срединная позиция оказывается наиболее частотной.

Рассмотрим, как участвуют ИФК, находящиеся в начале контекста, в передаче информации различных типов. Рассмотрим пример:

Parvenir à tout prix, was my own conception of the matter. We were both very ambitious for me. But Mr. Osmand did not simply want me to win prizes. He wanted me, in his own old-fashioned and austere conception of it, to be good (I. Murdoch. A Word Child. – P. 22)

наличия/отсутствия в контексте смысловых коррелятов ИФК, на последнем этапе определяется текстовая значимость иноязычного комплекса в ракурсе его роли в формировании разных типов информации в тексте. На первом этапе текстового анализа представляется важным выяснить, в какой речи (чужой или речи автора) преимущественно употребляются ИФК. Анализ около 3000 контекстов дал следующие результаты:

В приведенном примере иноязычная единица детерминирует проспективную направленность развития темы контекста. Основной тип информации в данном контексте – информация повествования. Представляется, что ИФК в данном контексте играет доминирующую роль в передаче основного типа информации.

Приведем еще один пример контекста, в котором ИФК находится в начальной позиции:

The enfant terrible, young Alfred, announcing to all the company at dessert that Ethel was in love with Olive (Thackeray. The Newcomes. – P.194. – SOED).

Основным типом информации в данном контексте является информация повествования. Иноязычная единица не участвует в передаче доминирующего типа информации. Иноязычное выражение участвует в передаче описательной информации, а именно: оценочно-комментирующей информации. В передаче информации этого типа обычно участвуют слова и словосочетания, имеющие сему оценки. А.В.Кунин определяет семы как микроэлементы значения, обозначающие реальные или воображаемые признаки денотатов (2). Открывающее приведенный контекст иноязычное выражение *enfant terrible* содержит узуальную сему отрицательной оценки, обозначая человека, который ставит других в неловкое положение. Узуальные семы входят в состав значения ФЕ (А.В.Кунин, 1986, с.164). При трансформации контекста путем опущения иноязычной ФЕ *enfant terrible* модальность контекста разрушается.

Приведем примеры контекстов, в которых ИФК занимают срединную позицию:

Christopher was looking his most pardish, beautiful and slim and young, his pale face blazing with health, his pale blue eyes bright with intelligence and joie de vivre. I looked at him with disgust (I. Murdoch. A Word Child. – P. 157).

Основным типом информации в данном контексте является описательная информация, которая включает в себя изобразительную и оценочную информацию. Заимствованная из французского единица *joie de vivre* участвует в передаче изобразительной информации и маркирует поворот темы от описания одного из персонажей романа к оценке своего персонажа другим действующим лицом. В данном контексте иноязычная единица связана как с

предшествующим, так и с последующим контекстом. Более явно выраженными являются ее ретроактивные связи.

Приведем еще один пример срединного положения ИФК.

So her manner with him took often a bizarre and inconsequential course. It was de haut en bas one moment, de bas en haut the next; and sometimes she contrived both positions all in one sentence (J. Fowles. *The French Lieutenant's Woman*. – P.24).

Доминирующий тип информации в данном контексте – описание, французское выражение *de haut en bas* и образованное от него по аналогии *de bas en haut* участвуют в передаче оценочно-комментирующей информации совместно с их лексическими коррелятами *bizarre* и *inconsequential*. Используя французские выражения, автор романа описывает странную манеру одной провинциальной дамы вести беседу с местным викарием. Появление в контексте французских выражений подготовлено их лексическими коррелятами. ИФК детализирует созданную до их появления информацию. Если трансформировать данный контекст, удалив из него французские выражения, то будет непонятно, почему манера общения Миссис Полтни с викарием была странной. Информативность данного контекста изменится. Это позволяет сделать вывод о том, что в данном контексте ИФК вместе с коррелятом являются основным средством передачи информации доминирующего типа. Следует отметить, что срединная позиция в контексте является в нашем материале наиболее частотной. Часто, находясь в срединной позиции, иноязычные комплексы являются не основным, а дополнительным средством передачи информации. Например:

She sees herself as a priestess, she goes on playing the femme fatale, she imagines men falling madly in love with her (I. Murdoch. *The Philosopher's Pupil*. – P. 56).

Трансформированный контекст, если из него удалить единицу *femme fatale* и непосредственно связанные с ней элементы контекста, в информативном плане мало, чем отличается от исходного контекста.

She sees herself as a priestess, ... she imagines men falling madly in love with her.

Это позволяет сделать вывод о том, что в данном контексте иноязычная единица является не основным, а дополнительным средством передачи информации.

Однако необходимо подчеркнуть, что экспрессивность¹ трансформированного контекста намного ниже, чем исходного. В исходном контексте экспрессивность создавалась французской ФЕ *femme fatale* и наречием *madly*. В трансформированном контексте сохранилось лишь наречие *madly*.

Можно сделать вывод о том, что находясь в середине контекста, ИФК могут участвовать в

передаче информации доминирующего типа совместно с их коррелятами, а также являться дополнительным средством формирования информации доминирующего типа и участвовать в передаче неосновных типов информации.

Рассмотрим случаи, когда иноязычная единица находится в конце контекста. Информативная роль иноязычных комплексов, находящихся в конечной позиции, достаточно ярко выражена. Например:

She was reputed to have had many lovers and Nessen was regarded as a mari complaisant (L. Durell. *Justine*. – P.29. – SOED).

Основной тип информации, содержащийся в данном контексте – описание, а точнее – вводно-ознакомительная информация. Однако в контексте присутствует также оценочно-комментирующая информация, которая эксплицируется через французскую единицу *mari complaisant*. Эта единица включает сему отрицательной оценки, обозначая мужа, который безропотно сносит неверность жены. Если трансформировать данный контекст путем замены французской единицы *mari complaisant* ее английским соответствием *a husband who tolerates his wife's adultery*, то данный контекст станет менее экспрессивным. В данном контексте ИФК выполняет стилистическую функцию.

Интересно отметить, что в англоязычных контекстах иноязычные единицы часто участвуют в передаче оценочно-комментирующей информации. Приведем пример:

All the young men are cads and cowards, all the old men vieux marcheurs (G.B. Shaw. *Shaw on theatre*. P.133. – SOED).

ФЕ во французской форме *vieux marcheurs* передает оценочно-комментирующую информацию совместно с существительными *cads* и *cowards*. Иноязычная единица обладает высокой степенью информативной значимости. Если трансформировать данный контекст путем удаления из него французской единицы, то контекст окажется незавершенным. Если заменить единицу во французской форме ее англоязычным соответствием, то контекст станет менее образным, ... отрицательный оценочный заряд, передаваемый данным контекстом, сохранится. Например:

All the young men are cads and cowards, all the old men elderly womanizers.

В следующем контексте ИФК также передает оценочно-комментирующую информацию.

Goddard was a man of talent but he was obviously a mauvais coucheur (Times Lit. Suppl. – SOED).

Доминирующий тип информации в данном контексте – описание, а точнее – оценочно-комментирующая информация. Оценочно-комментирующая информация передается словосочетанием *a man of talent* и иноязычной единицей *mauvais coucheur*. При этом словосочетание *a man of talent* реализует в данном контексте узкую сему положительной оценки, а французская единица *mauvais coucheur* реализует узкую сему отрицательной оценки.

Французская единица обладает экспрессивностью, которая может быть показана путем трансформации данного контекста. Заменяем французскую единицу ее англоязычным соответствием.

Goddard was a man of talent but he was obviously an uncooperative and unsociable person.

Трансформированный контекст стал стилистически нейтральным, так как иноязычная единица придавала ему определенную экспрессивность.

Заканчивая рассмотрение функционирования ИФК в речи автора, можно сказать, что иноязычные выражения участвуют в передаче разных типов информации. Их роль в передаче информации зависит от положения иноязычных единиц в контексте. В начальной позиции иноязычные единицы встречаются редко, что можно объяснить своеобразием этой группы единиц. Авторы «не рискуют» открывать контекст ИФК, чтобы не создавать читателю дополнительных трудностей. Гораздо чаще иноязычные выражения встречаются в середине контекста. Англоязычное окружение делает их более понятными носителям английского языка. Достаточно часто встречаются иноязычные комплексы и в конечной позиции. В этом случае они могут образно завершать контекст, а также комментировать его. Особо необходимо подчеркнуть роль иноязычных единиц, завершающих контекст, в формировании оценочно-комментирующей информации. Анализ нашего материала доказывает, что от позиции во многом зависит доля участия ФЕ в формировании и развертывании тематического плана контекста и его семантики.

Рассмотрим функционирование иноязычных фразеологических комплексов в чужой речи.

Чужая речь с точки зрения содержащейся в ней информации представляет собой сочетание информации об объекте и о субъекте речи. Информацию о субъекте речи мы будем называть субъектно-репрезентирующей. Субъектно-репрезентирующая информация отличает чужую речь от авторской. В данном разделе мы рассмотрим, какую роль играют иноязычные комплексы в передаче сведений о субъекте речи.

Как показала текстовая выборка, ИФК часто участвует в передаче информации об уровне образования говорящего, о его социальном статусе, а также о его психолого-эмоциональном состоянии.

Формируя речевые высказывания, коммуникант ориентируется на предвидимые результаты речевых действий, на условия совершения речевых действий. Коммуникант всегда ориентируется на возможности собеседника, а также учитывает его социальные характеристики. Ориентировка на восприятие слушателя проявляется в том, что продуцируется текст, доступный пониманию адресата. Рассмотрим контекст, который представляет собой диалог между родителями девятнадцатилетнего юноши, который не хочет учиться в Кембридже:

"Young people have always had that. But it usen't to affect their joie de vivre. We rejected society at his age, but it didn't stop us from going to commem balls". "We didn't really reject it, Hilda, and sometimes joie de vivre can amount to irresponsibility and compromise..." (I. Murdoch. A Fairly Honourable Defeat. – P.19-20).

Осуждая и в то же время стараясь понять своего сына, бросившего учебу в Кембридже, родители употребляют в своей речи иноязычную единицу "joie de vivre". Уровень их рассуждений о проблемах современной молодежи, а также использование в речи иноязычных единиц свидетельствует об их достаточно высоком уровне образования. Позднее оказывается, что главный герой романа "Весьма почтенное поражение", - очень образованный человек, который в течение восьми лет пишет фундаментальный труд по философии. Именно этот персонаж часто употребляет в своей речи иноязычные единицы. Например:

"I suppose Julius will ring up? I mean, I hope he won't feel he's persona non grata here after the story with Morgan?" (I. Murdoch. A Fairly Honourable Defeat. – P.26).

Приведем еще один пример. Тот же персонаж беседует с одним из своих друзей:

"...No, no, I mean we philosophers are ambiguous so a fortiori I am. The thing is just a meditation on a few concepts" (I. Murdoch. A Fairly Honourable Defeat. – P.47).

Введение ИФК в речь персонажей широко используется для характеристики действующих лиц с различных точек зрения. Использование в речи иноязычных единиц способствует раскрытию своеобразия речевого узуса определенной социальной категории людей, их культурного уровня, образованности, начитанности. Таков, например, Хилари, герой романа А. Мердок "Дитя слов", от его лица ведется повествование в романе. Он очень часто употребляет в речи иноязычные единицы, такие как *tête-à-tête*, *art nouveau*, *a fortiori*, *âme damnée*, *objet d'art*, *ex gratia* и многие другие.

Часто авторы литературных произведений вкладывают в уста своих персонажей иноязычные выражения, чтобы показать, что эти персонажи стараются произвести лучшее впечатление, казаться образованнее, начитаннее, чем они есть на самом деле. Такова, например, случайная знакомая главного героя романа Г. Грина "Loser Takes All". Стремясь произвести на своего кавалера хорошее впечатление, она говорит напыщенно и претенциозно. Ее внешность соответствует ее манере говорить. Приведем в качестве примера одно из ее высказываний:

There is a small new restaurant – a club really, very comme il faut. It is called Orphée. Rather expensive, I fear, colonel (G. Greene. Loser Takes All. – P.95).

Проявлением своеобразного языкового снобизма является употребление латинской единицы в следующем контексте:

I felt as the ancient Roman gladiators must have felt as they marched into the arena. "Morituri te salutamus", I said. He was busy with his own thoughts. "What's that?" he asked sharply. I grinned at him: He was proud of his knowledge of Latin. It wasn't often one had the chance to rub him, even if it was through inattention on his part. "We who are about to die salute you", I translated grinning (H. Robbins, 79 Park Avenue. – P.269-270).

В приведенном контексте латинское выражение употребляет один из служащих в разговоре со своим шефом. Шеф погружен в свои мысли и поэтому пропускает мимо ушей, что говорит служащий. Служащий с удовлетворением переводит латинское выражение на английский. Рассмотренный контекст взят из книги, рассчитанной на массового читателя, поэтому латинская единица сопровождается переводом. В контексте также содержится пояснение, в котором говорится о римских гладиаторах.

Иногда автор вкладывает в уста своих героев иноязычные выражения, чтобы передать психолого-эмоциональное состояние персонажей в тот или иной момент. Например, один из героев романа "Давай поженимся" узнав, что его жена имеет любовника говорит:

Don't knock it, Ruth. This may be the real thing, a true amour de coeur. Let's wish the kids luck, Jerry, one thing you're not going to be bored. Sally is not tranquil. She has many fine qualities... (J. Updike. Marry Me. – P.190).

Французское выражение *amour de coeur* придает приведенному контексту экспрессивную насыщенность и эмоциональную окрашенность. Говорящий явно потрясен открывшейся неверностью жены, но пытается скрыть свое волнение и придать разговору полушутливый характер. С этой целью он использует в своей речи иноязычное выражение.

Следует отметить, что иноязычные комплексы часто используются для характеристики персонажей с точки зрения их национальной принадлежности. Примером может послужить речь знаменитого персонажа А. Кристи Эркюля Пуаро, для которого французский язык является родным. Например:

Ma foi, I think they are an interesting lot. Really this case is an enchanting study. It is, how do you say, the box of surprises? (A. Christie. Dumb witness. – P.128)

Естественно звучат французские выражения в устах героини романа Моэма "Театр" Джулии Ламберт, выросшей во франкоязычной английской семье. Например:

You know I'm not a beautiful woman... Coquelin always used to say I had the beauté du diable (W.S. Maugham. Theatre. – P.23).

Можно сделать вывод, что в контекстах, представляющих собой чужую речь, ИФК являются одним из языковых средств передачи субъектно-репрезентирующей информации. Их употребление в речи персонажей может сообщить читателю информацию об уровне образования персонажей, их социальном статусе, психолого-эмоциональном состоянии в тот или иной момент, а также характеризовать персонажи с точки зрения их национальной принадлежности.

Иноязычные фразеологические комплексы реализуют свои системные свойства в контексте. Они являются особыми знаками номинации. В контексте иноязычные комплексы вступают в различные семантические отношения с сигнификативно близкими номинативными образованиями (словом, словосочетанием, предложением или группой предложений). Изучение отношений между ИФК и близкими им англоязычными образованиями связано с рассмотрением явления корреляции. Иноязычные фразеологические комплексы встречаются в разных типах фактуальной информации и играют значительную роль в восприятии информации читателем.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва. Наука, 1981. 138с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Москва. Высшая школа, 1986. 336 с.

THE PROBLEM OF DEFINITION OF THE CONCEPT OF LITERARY AND NONLITERARY SPOKEN LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE ENGLISH LANGUAGE OF THE USA)

Шовкопляс Юлія Олексіївна

аспірант кафедри теорії та практики перекладу з англійської мови
Запорізького національного університету

ПРОБЛЕМА ВИЗНАЧЕННЯ ПОНЯТТЯ ЛІТЕРАТУРНОЇ І НЕЛІТЕРАТУРНОЇ РОЗМОВНОЇ МОВИ (НА ПРИКЛАДІ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ США)

Summary. The article deals with the essence of the concepts of literary (standard) and non-literary spoken English (sub-standard) of the USA. Various scientists' points of view on the definition of the concepts of 'standard', 'substandard' and its elements of argo, jargon, slang have been investigated. The approaches to determination of differential features of literary language are considered. It is emphasized that numerous borrowings of the Spanish origin constantly enter into both literary AmA and non-literary AmA. It is noted that the literary language of the US is the language of business communication, where there are no uncoded elements of AmA. The Spanglish language phenomenon is found to be an example of a non-literary US language and a hybrid entity that contains elements of Spanish and English, but is fundamentally different from Spanish and English.

Анотація. У статті висвітлено сутність понять літературної (стандарт) і нелітературної (субстандарт) розмовної англійської мови США. Досліджено погляди вчених щодо дефініції понять «стандарт», «субстандарт» і його елементів аргю, жаргон, сленг. Розглянуто підходи до визначення диференціальних рис літературної мови. Акцентовано, що численні запозичення іспанського походження постійно потрапляють як в літературну АМА, так й в не літературну АМА. Зазначено, що літературною мовою США є мова ділового спілкування, де відсутні некодифіковані елементи АМА. Визначено, що мовний феномен Spanglish є прикладом нелітературної мови США й гібридним утворенням, що містить елементи іспанської та англійської мов, але докорінно відрізняється від них.

Keywords: literary language, non-literary language, standard, sub-standard, colloquial language, argo, cant, slang, Spanglish.

Ключові слова: літературна мова, нелітературна мова, стандарт, субстандарт, просторіччя, аргю, жаргон, сленг, спенгліш.

Постановка проблеми. На сьогодні процес розвитку геополітичного, соціального й етнокультурного середовища спричинює зміни у функціонуванні мови, її ролі у процесах комунікації, дискурсу, що, у свою чергу, сприяє посиленню глобалізації. Ці явища більшою мірою характерні для американської лінгвокультури й частково для інших мов, генеалогічно й ареально не пов'язаних з англійською мовою (АМ). Так, у результаті формування нових норм життя й взаємин виникла необхідність в іншому гнучкому мовному вираженні. А оскільки різновиди мови такої багатонаціональної країни як США перебувають у ситуації постійного взаємовпливу, то літературна мова поповнюється запозиченнями зі соціально обмежених мовних субкультур. Руйнування жорстких кордонів між різними мовними утвореннями зумовило різноманіття мовної комунікації, для характеристики якої лінгвісти стали використовувати терміни «стандарт» і «субстандарт». Аналіз наукової літератури засвідчив, що зазначені терміни трактуються неоднозначно в сучасній лінгвістиці, тому вивчення питання щодо визначення поняття літературної й нелітературної розмовної англійська мова США (АМА) набуває значної актуальності.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. У сучасній лінгвістичній практиці вчені З. Кестер-Тома [23], О. Клименко [11], Т. Кудінова [15], С. Личана [16], А. Швейцер [25; 27] особливу увагу приділяють вивченню понять «стандарт» і «субстандарт» у мові. Причини стрімкого входження лексичних одиниць субстандарту до масової комунікації; особливості утворення лінгвального феномену (загального) сленгу або «загального жаргону», який знаходиться на межі просторіччя й літературної (стандартної) мови; визначення його етнокультурної специфіки порівняно з відповідними лінгвальними підсистемами споріднених і неспоріднених мов розглядалися у працях Е. Береговської [2], О. Калугіної [9], В. Костомарова [13], Л. Скворцова [20; 21], В. Ярцевої [28]. На перспективах зіставного вивчення субстандартної лексики наголошували В. Бондалетов [3] і С. Красса [14]. Особливості стандарту й субстандарту в АМА висвітлено у працях К. Бондаренко [4], Ю. Волошина [7], Т. Скроб [22].

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми. Незважаючи на значну кількість праць, присвячених розмежуванню понять «літературна мова» і «нелітературна мова» в сучасній лінгвістиці, недостатньо вивченими

залишаються їх дефініції в контексті АМА. Тому найбільш важливим сьогодні постає питання визначення понять літературної й нелітературної розмовної мови в умовах багатонаціональної країни на прикладі АМА.

Виклад основного матеріалу дослідження.

Останнім часом у лінгвістиці спостерігається тенденція диференціювати поняття літературна мова й мова літератури. У зв'язку з цим набуває широкого поширення термін «стандарт», оскільки термін «літературна мова» іноді співвідноситься з поняттям «мова літератури» як вказівка на мову художніх творів, у якій є просторіччя й діалектні слова, жаргонізми (арготизми й сленгізми), що використовується в якості характерологічних засобів і засобів увиразнення, хоча від цього вона не стає менш літературною. Відомо, що в англійській лінгвістиці вживається для позначення поняття «літературна мова» саме *standard language*, *standard English*. Літературну мову, що використовується як мова високої культури в діловому спілкуванні, де відсутні некодифіковані елементи АМА, краще іменувати **стандартом** [15, с. 137]. З нашого погляду, це буде справедливо, бо поняття «стандарт» за своєю внутрішньою суттю є «зразком якості», тобто зразком, який задовольняє користувачів у всіх відношеннях.

Стандартний американський варіант АМ визначається як форма, що містить ті варіанти мови, які є національно прийнятими: національну письмову мову зі своїми стилями й майже всі регіональні форми розмовної мови, які не порушують канони писемної мови. Дж. Хартман в передмові до словника DARE зазначає, що АМА, якою послуговуються диктори радіо й телебачення, розвивається як «неофіційна норма» (*informal norm*), хоча вона й не має тієї ж сили і визнання, як RP (Received Pronunciation) в Англії [16, с. 276].

Для АМА характерна більша варіативність в області вимови. Крім того, у США практично відсутній такий єдиний літературний стандарт, як RP. У США представлені три основні норми вимови: загальноамериканська (General American – GA), яка набуває статусу національної, східноамериканська (Eastern American), американська (Southern American) [30].

В англо-американській лінгвістичній літературі при трактуванні поняття «норма» використовується термін «*Standard English*». При цьому «*standard*» вживається для позначення міжнародного й внутрішньо-національного спілкування АМ. «*Standard English*», фактично, є втіленням того, що освічені носії АМ імпліцитно вважають міжнародно-прийнятим стандартом [24].

До субстандарту належить діалект, просторіччя, загальний жаргон, інтержаргон, сленг, тобто все те, що знаходиться на периферії традиційної літературної мови. Строкатість лексико-семантичного й фразеологічного компроментів субстандарту різняться своїм походженням, складом, експресивністю і сферою мовного використання [15, с. 137].

Тому, враховуючи вищезазначене, ознакою будь-якої національної мови є її багатовимірність, що виявляється у співіснуванні в ній мовного стандарту (літературної мови) й субстандарту (арго, жаргонів, сленгу). Незважаючи на наявність діалектичного зв'язку між зазначеними лінгвальними феноменами, що сприяють розвитку національної мови, вивчення аналогічних і аномальних мовних явищ у зарубіжному й вітчизняному мовознавстві відбувалось непропорційно й було зумовлене здебільшого позамовними чинниками [4, с. 9].

Питання щодо статусу літературної АМА, сьогодні залишається дискусійним у загальній лінгвістиці і в межах проблеми соціальної диференціації АМ.

Існує декілька поглядів щодо ознак, які є універсальними для літературних мов [8; 20]. Деякі вчені визначають риси, характерні для літературної мови, виділяючи при цьому діалектні утворення, які протиставлені літературній нормі. У цьому випадку основним є власне лінгвістичний аспект дослідження [8]. Наприклад, дослідниця М. Гухман виділила низку універсальних рис літературної мови, а саме: ступінь обробки; відсутність спонтанності мовотворення й пов'язана з цим селективність; наддіалектність, що виявляється в різних формах; ступінь поліфункціональності [8, с. 6].

Інші науковці вважають за доцільне враховувати соціальні ознаки (зокрема, вік, рівень освіти, соціальний статус тощо) носіїв мови, у результаті чого до лінгвістичного додається соціальний аспект вивчення, що ускладнює й водночас робить більш достовірними лінгвістичні дослідження [20]. Цього напряду дотримується дослідник Л. Скворцов, який пропонує визначати диференціальні риси літературної мови, беручи до уваги нерелевантні ознаки (нормованість, стилістична варіативність, загальнообов'язковість), які у своїй сукупності визначають літературну мову [21, с. 18].

Різні підходи до визначення меж літературної мови і її основних характеристик не виключають, а взаємно доповнюють один одного. Сучасна АМА може й повинна бути охарактеризована за допомогою комплексу лінгвістичних і соціальних ознак, бо для літературної мови характерна складна взаємодія писемної й усної форм (діалекти ж більше стосуються сфери усної народної мови). У функціональному плані літературній мові властивий всеосяжний характер (це мова науки, культури, публіцистики, основа мови художньої літератури) [22, с. 8]. Зауважимо, що літературна мова поліфункціональна, для діалектів же характерна монофункціональність.

Важливо наголосити, що літературна мова є соціолінгвістичною категорією. У її основі містяться як лінгвістичні, так і соціологічні ознаки. Літературна мова впливає не лише на писемне, а й на усне мовлення населення. Однією з її істотних ознак є високий соціальний престиж у суспільстві.

Ядро носіїв літературної мови складають освічені прошарки населення. Соціальні спільноти, представники яких поєднують у своєму мовленні літературні форми з елементами діалекту, належать до периферійної групи мовців. Для мовлення її представників характерне перемикавання з літературної мови на діалект і навпаки, залежно від зміни суспільної ситуації. Соціальна неоднорідність носіїв літературної мови відображається в її варіативності, що залежить від тих чи інших параметрів суспільної структури США [8, с. 8].

Виникають труднощі при однозначному визначенні літературної АМА (*Standard American English*), бо між літературною й нелітературною нормою відсутні чітко встановлені межі. Важливо зазначити, що фонетична система АМА становить складну єдність національної норми вимови, регіональних стандартів і діалектів. Чимало мовних одиниць перебувають на межі переходу з діалектів або регіональних койне в загальнонаціональну літературну мову. Поняття «літературна мова» є абстракцією, в основі якої – мовна реальність.

Загальновідомо, що мова – це один із найважливіших елементів єдності нації, а літературна мова є вершиною національної. Літературна АМА (*Standard American English*) виконує об'єднуючу функцію щодо американської нації і є основною формою існування АМ, що вживається в переважній більшості сфер суспільного життя Америки.

Разом з тим, американський варіант літературної англійської постійно взаємодіє з іншими соціально-комунікативними системами й підсистемами, що характеризують мовну ситуацію США. Цьому сприяють характерні для мовної ситуації соціальні процеси: міграція, соціальна й географічна мобільність.

Отже, у результаті мовних контактів між носіями різних регіональних койне і територіальних варіантів мов відбувається зміна, спрощення літературної мови США. Літературна АМА, впливаючи на соціальні й територіальні варіанти, не є непроникною для деяких одиниць, переважно лексичних, що приходять з діалектів і варіантів тих чи інших соціальних груп. Згідно з А. Швейцером, цією особливістю застосування, що характеризує літературну АМА, пояснюються розмиті межі між літературною АМА і різними «субстандартними» мовними утвореннями, а також наявність значної кількості перехідних випадків, статус яких викликає суперечки серед лексикографів [26].

Вивчення субстандартних підсистем мови є досить складним завданням, оскільки серед лінгвістів немає єдиного погляду щодо визначення природи некодифікованої лексики, її структури і функцій, ролі в житті соціальних груп і всього соціуму. Тим часом її вплив на літературну мову, який є мовним стандартом, не можна недооцінювати. Не менш важливим є і той факт, що периферія мови значною мірою моделює процеси,

які згодом можуть мати місце в її літературній сфері [10, с. 261].

Термін субстандарт (Л. Блумфілд) займає тверді позиції в зарубіжній лінгвістиці. У вітчизняному мовознавстві він все ще не має загальноприйнятої дефініції. Не існує також єдиної думки про те, які одиниці мови належать до субстандарту і де проходить межа між літературною нормою, мовним стандартом і мовним субстандартом. Дослідники по-різному розглядають це явище і його складові [10, с. 264].

Так, дослідник В. Коровушкін ототожнює мовний субстандарт з просторіччям і виділяє його різновиди: нелітературне, територіальне, етнічне й лексичне. Науковець розрізняє наступні екзистенційні форми просторіччя: загальнонародне лексичне просторіччя, що об'єднує низькі колоквіалізми, загальні сленгізми й вульгаризми; спеціальне лексичне просторіччя, представлене професійними корпоративними жаргонами, а також езотеричне арго/кент. Враховуючи цю типологію, він пропонує соціально-комунікативну класифікацію словникового складу національної мови й стратифікацію нестандартної лексики за якістю її «просторіччя», або «субстандартності», що дозволяє відокремити лексичний субстандарт від стандарту й диференціювати основні лексичні пласти, які належать до субстандарту [12].

Проаналізувавши різні концепції субстандарту, О. Калугіна визначає субстандарт як гетерогенний мовний континуум, що характеризується ненормативністю, усною формою вживання, маніфестацією субкультурних цінностей, нечіткими межами між його різновидами, лексичним рівнем існування [9, с. 264]. Зазначений набір ознак дозволяє розглядати субстандарт як феномен, протиставлений літературній мові. Незважаючи на явні протиставлення «стандарт» – «субстандарт», одиниці, що репрезентують ці феномени, активно взаємодіють і можуть виступати як нормативні або ненормативні при наявності певних соціальних і психологічних умов [14, с. 29].

Незважаючи на значний інтерес вчених до субстандарту і складових цього феномену, як і раніше невирішеною залишається проблема вибору й визначення термінів, які позначають нелітературні мовні утворення (арго, жаргон, сленг), бо в одних дослідженнях вони позиціонуються як синонімічні поняття, а в інших – розмежовуються і протиставляються. У зв'язку з цим виникає необхідність уточнення визначень термінів арго, жаргон, сленг.

У дослідженнях вченого В. Коровушкіна виникає проблема термінологічної невизначеності. У цій області використовується ряд термінів: субстандарт, соціолект, жаргон, арго, сленг тощо, співвідношення об'ємів яких через нестабільність і рухливість цієї лексики не визначені. Межа між різновидами нелітературної мови неокреслена, тому далеко не завжди відчувається різниця між вживанням термінів арго, жаргон, сленг і, до певної міри, просторіччя. Труднощі, що виникають у

дослідників субстандартних форм мови, викликані рухливістю, непостійністю об'єкта їхнього дослідження, бо навіть через невеликий проміжок часу багато лексем застаріває й виходить з ужитку, щось нове стає поширеним, ці процеси прискорюють зміни в субстандарті. Проте, субстандартні феномени є частиною мови, сприяють її збагаченню і стають джерелом нових слів [12].

У науковій лінгвістичній літературі виокремлено основні теоретичні аспекти щодо складових субстандарту сленг, аргі й жаргон. Виникнення й еволюція термінів аргі й жаргон окреслені в монографії Е. Береговської [2]. Праці вітчизняних і зарубіжних дослідників [1; 6; 19; 27] вказують на наявність дискусій щодо визначення підходів до розуміння сутності аргі, жаргон і сленгу. Наприклад, у дослідженнях одних вчених взагалі відсутня лексема сленг [19]; в інших працях представлені дефініції, аналіз яких вказує на відмінність між цими поняттями [27]; у частині інших наукових робіт терміни аргі й жаргон подаються як синоніми, а сленгу відводиться окреме місце [1].

Сленг поєднує соціальні, професійні й корпоративні жаргони (соціальні діалекти) з літературною лексикою і є проміжним ступенем, посередником у процесі поповнення літературної мови з нелітературних соціально забарвлених джерел. У сленгу відбувається нейтралізація соціального й професійного джерела лексики, що сприяє переходу жаргонізмів до літературної норми, оскільки «межа між літературним й нелітературним мовленням є рухомою й постійно порушується» [18, с. 40]. З погляду О. Клименко, загальнозрозумілість сленгу й «розмитість» межі між сленгом і літературною мовою спричиняє повну або часткову нейтралізацію стилістичної маркованості сленгізмів [10, с. 2].

Одним із головних напрямів розвитку АМА в останні десятиріччя є «colloquialization of English» – процес, коли елементи розмовної мови не тільки входять у мову більшості носіїв, але й впливають на стиль їхнього спілкування» [17]. Тому сучасний стан АМА, як і багатьох інших мов, характеризується тенденцією до все більшого поповнення літературної лексики з нелітературних соціально забарвлених і розмовних джерел (соціальних діалектів і сленгу). Дослідники зазначають, що значне зростання розмовних елементів у літературних мовах сприяє «лібералізації» літературної норми [5, с. 245].

Запозичення одиниць сленгу й соціальних діалектів можна пояснити дією системних закономірностей загального характеру, динамічністю системи, що «розвивається у часі й просторі» [31, с. 24]. Наслідком мовної еволюції стає широке використання різних мовних засобів на позначення тотожних предметів, понять, явищ. Відсутність або неадекватність мовних засобів комунікативним потребам сприяє поповненню літературної лексики одиницями нелітературних різновидів для заповнення семантичної ніші в мові

й задоволення естетичних, емоційних й інших потреб носіїв мови [7, с. 13]. На думку О. Клименко, прагматичний заряд одиниць сленгу й соціальних діалектів також сприяє їхньому запозиченню до «стандарту», яке, у свою чергу, зумовлюється необхідністю поповнення експресивних засобів мови [11, с. 2].

Окрім внутрішніх мовних засобів поповнення вокабуляра англійської мови, важливими зовнішніми джерелами збагачення англійської мови є також запозичення з інших мов. У свою чергу, іспанська мова стає одним із основних джерел поповнення літературної і нелітературної розмовної АМА, про що свідчить численні запозичення з іспанської мови в АМА. Цьому процесу сприяють тісні політичні, економічні та історичні контакти іспанської й англійської мов у США. У нелітературній АМА іспанський вплив особливо відчутний в молодіжному сленгу, де іспанські слова дуже часто вживаються для створення комічного чи іронічного ефекту: *adios*, *adios muchachos*, *amiga*, *arriba*, *amor*, *hasta la vista*. Необхідно зазначити, що стрімкий перехід на англійську мову іммігрантів з країн Латинської Америки сприяв поширенню такого гібридного мовного явища, як *Spanglish*, що є, з одного боку, неформальним засобом спілкування іспаномовних жителів США, з іншого ж боку, одним із різновидів нелітературної мови на території сучасних США.

Зокрема, *Spanglish* ні в одному зі своїх дефініцій не відповідає визначенням змішаної мови, тобто мови, що містить лексичні одиниці (іменники, дієслова, прикметники і т.д.) однієї мови й функціональні одиниці (флексивні морфеми, прийменники) іншої. У мовних спільнотах, де домінує одна іспаномовна група, зберігається відповідний регіональний варіант іспанської, що містить деякі лексичні англіцизми й синтаксичні кальки. У великих міських районах (наприклад, Чикаго, Нью-Йорк, Х'юстон), де межують відразу кілька іспаномовних груп, відбувається вирівнювання територіальних варіантів, у яких є англіцизми, але індивідуальні лінгвістичні характеристики варіюються залежно від міста [22, с. 13–14].

У низці моментів *Spanglish* використовують як нейтральний термін, а деякі латиноамериканські активісти політичного й громадського руху США навіть вживають його, щоб підкреслити унікальну етнолінгвістичну приналежність. Але *Spanglish* має переважно зневажливу конотацію й вживається, насамперед, щоб відокремити іспаномовних латиноамериканців, які проживають на території США. Іншою його метою є створення уявлення, що іспанські діалекти, які існують в США, настільки «змішалися» з англійською, що утворилася «третя мова», докорінно відмінна від іспанської і від англійської. *Spanglish* сприймається як засіб поступового витіснення зі США іспанської й презентує іспаномовних латиноамериканців США як своєрідних «манкуртів» в очах співвітчизників з іспаномовних країн, а найголовніше – веде до «деградації» іспанської мови.

Висновки і перспективи подальших пошуків у цьому науковому напрямку. Таким чином, проведений аналіз показав, що своєрідність літературної АМА вираженої на різних рівнях мовної системи, знаходить свій кодифікований вираз як установлений національний стандарт єдиної АМА. За допомогою літературної мови репрезентується певним чином ідеалізована, оброблена, загальноновизнана й цивілізована картина світу. У свою чергу субстандарт (арго, жаргони і сленг) відображає природню, грубу й мінімально оброблену мовну реальність. Запозичення зі «субстандарту» до американського мовного «стандарту» зумовлюються необхідністю поповнення номінативних й експресивних засобів мови. Також американський варіант англійської мови характеризується численними запозиченнями з інших мов, зокрема з іспанської, що обумовлено тісною взаємодією іспанської й англійської мов на території США.

Перспективами подальших досліджень можна вважати розгляд особливостей утворення субстандарту (арго, сленгів, жаргонів) в АМА та його впливу на літературну мову США в аспектах лексичної та семантичної деривації.

ЛІТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов : словарь. Москва : Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Береговская Э. М. Аргументы и язык французской художественной прозы XX века (50–70-е годы) : монография. Смоленск : изд-во СмолГУ, 2009. 356 с.
3. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика : уч. пособие. М., 1987. 160 с.
4. Бондаренко К. Л. Лінгвокультурні особливості українського та англійського сленгу: автореф. дис.. на здобуття наук. ступень канд. филол. наук : 10.02.17. Київ, 2007. 19 с.
5. Босак Я. Разговорность как динамический фактор. Новое в зарубежной лингвистике. 1988. **Вып. XX**. С. 243–252.
6. Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов : словарь. Москва : Мартин, 2008. 704 с.
7. Волошин Ю. К. Американский сленг в разговорной речи. Лингвистические единицы разных уровней и их функциональные характеристики. Краснодар, 1982. С. 13–17.
8. Гухман М. К типологии германских литературных языков донационального периода. Типология германских литературных языков. М., 1976. С. 5–8.
9. Калугина Е. Н. Понятийно-теоретический аспект исследования языкового субстандарту. Научный диалог. 2013. №5 (17). С. 261–269.
10. Клименко О. Л. Деякі особливості мовної норми американського варіанта англійської мови. Вісник Запорізького державного університету. 1999. №2. С. 1–3.
11. Клименко О. Л. Лінгвістичні чинники запозичення субстандартних одиниць до мовного

«стандарту». Вісник Запорізького державного університету. 2001. №4. С. 1–3.

12. Коровушкин В. П. Основы контрастивной социолектологии : автореф. дис.. на соиск. наук. степени д-ра филол. наук : 10.02.20. Пятигорск, 2005. 50 с.
13. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа : монография. СПб. : Златоуст, 1999. 320 с.
14. Красса С. И., Калугина Е. Н. Гендерные лингвоконцентры субстандарту. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. 2012. № 25 (284). С. 27–31.
15. Кудинова Т. А. Стандарт и субстандарт в языке: к обоснованию понятий. Научная мысль Кавказа. 2010. №3. С. 13–14.
16. Лычаная С. А. Американский произносительный стандарт и региональные типы американского произношения. Социально-экономические явления и процессы. 2011. №10 (032). С. 276–280.
17. Матюшенков В. С. Особенности употребления разговорного стиля речи в Северной Америке, Великобритании, Австралии : монография. Москва : Наука, 2015. 176 с.
18. Мечковская Н. Социальная лингвистика : монография. М., 1996. 207 с.
19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений : словарь. Москва : Азбуковник, 1999. 944 с.
20. Скворцов Л. И. Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии. Литературная норма и просторечие. М., 1977. С. 29–57.
21. Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи : монография. М., 1980. 352 с.
22. Скроб Т. В. Особенности билингвизма и диглосии в территориальном варианте национального языка: на соискание наук. степени канд. филол. наук : 10.02.19. Саратов, 2017. 22 с.
23. Стандарт, субстандарт, нестандарт . Русистика. Берлин, 1993. № 2. С. 15–31. URL : <http://www.philology.ru/linguistics2/koester-93.htm>.
24. Шахбагова Д. А. Фонетические особенности произносительных вариантов английского языка : уч. пособие. М., 1982. 301 с.
25. Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии : монография. М., Высшая школа, 1971, 200 с.
26. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США : монография. М.: Наука, 1983. 216 с.
27. Языкознание : большой энциклопедический словарь / за ред. В. Н. Ярцева. Москва : Большая Рос. энциклопедия, 1998. 685 с.
28. Ярцева В. Н. О теоретической основе социальных диалектов. Норма и социальная дифференциация языка. М.: Наука, 1969. С. 26–46.
29. Dennis R. Preston., Roger W. Shuy. Varieties of American English. Washington, D.C., 1988. 97 p.
30. Leech G. Semantics. London: Penguin Books, 1990. 383 p.

Нікольчук І.В.

аспірант Інститут мистецтвознавства,
фольклористики та етнології ім. М.Т.Рильського НАН України,
вул. Грушевського, 4, м. Київ, Україна

УДК [349.22+340.141:398.91]

**ІСТОРІЯ РОЗВИТКУ ВОЛОСНИХ СУДІВ В УКРАЇНІ. ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ СПРАВ
ВОЛОСНИХ СУДІВ ІЗ СЮЖЕТАМИ БАЛАД КИЇВЩИНИ****Nikolchuk Inna Volodymyrivna**

postgraduate Institute of Art Studies,
Folklore and Ethnology. M. T. Rylsky
National Academy of Sciences of Ukraine

**HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF DISTRICT (VOLOST) COURT IN UKRAINE.
COMPARATIVE ANALYSIS OF CASES OF DISTRICT (VOLOST) COURTS WITH THE PLOTS OF
BALLADS OF KYIV REGION**

Анотация. У статті охарактеризовано систему судів Київської землі, які існували з 1569 року й поділялися на земські, місцеві та підкоморні. Згодом унаслідок судової реформи було сформовано земські (повітовий та нижній земський) та місцеві суди. Судочинство виникло в процесі вирішення різноманітних питань, удосконалення суспільних взаємин задля захисту прав членів суспільних груп чи окремих осіб. Судова система з часом змінювалася і вдосконалювалася разом із суспільством.

На основі селянського самоуправління виникла система волосних судів. Громада відігравала неабияку роль в його організації, особливо ж у проведенні судом кримінального правосуддя, адже до цієї правової установи входили члени громади і нею ж вони призначалися. Окрім того спільнота була наділена повноваженнями виносити смертельні вироки й виконувати їх на власний розсуд. У сільській судовій системі містилися чіткі постанови про злочин та відповідне покарання, однак рішення волосних судів не завжди збігалися з цими приписами, що свідчить про наявність свого, особливого звичаєвого права у кожній громаді.

Abstract. The research paper describes the system of courts of Kyiv region that existed since 1569 and was divided into zemstvo (provincial), local and podkomorski (Judicium suc camerarium). Subsequently, zemstvo court (povit (district) and lower zemstvo court) and local courts were formed as a result of judicial reform. Judicature has arisen in the process of resolving various issues, improving public relations in order to protect the rights of members of community groups or individuals. The judicial system has changed over time and has improved together with society.

On the basis of village self-government a system of district (volost) courts emerged. The community played a significant role in its organization, especially in the criminal proceedings, because members of the community were appointed and included in this institution. In addition, the community was empowered to make death sentences and execute them at its own discretion. The rural judicial system contained clear rulings on crime and appropriate punishment, but the decisions of district (volost) courts did not always coincide with these injunctions, indicating that there was a special customary law in each community.

The plots of ballads are analyzed and elements of criminal law are identified. This evidences that ballads describe real, usually tragic, stories that contain corpus delicti. Investigating the cases of the district (volost) courts of Kyiv province, the parallels in the plots of ballads in the context of criminal law are traced.

Проаналізовано сюжети балад та виявлено в них елементи кримінального права. Це свідчить про опис у баладах реальних, зазвичай трагічних історій, які містять склад злочину. Дослідивши справи волосних судів Київської губернії, простежено паралелі у сюжетах балад у розрізі кримінального права.

Ключові слова: усна народна творчість, балада, сюжет, порівняльний аналіз, звичаєве право, суд, судочинство, кримінальні справи.

Keywords: folk art, ballad, plot, comparative analysis, customary law, court, justice, criminal cases.

Постановка проблеми. Законодавча система існувала в суспільстві для вирішення проблем у міжособистісних та соціальних стосунках, зокрема, порушення прав людини, невиконання обов'язків чи недотримання домовленостей. Для вдосконалення чинних і створення нових законів потрібен був відповідний адміністративний орган. Тому впродовж тривалого часу в суспільстві формувалися суди – місця й установи, де згідно з певними процедурами відбувалося провадження слідчих дій та встановлення справедливості, а

також відбувалося покарання винних [1, 375 с.]. Суди, як адміністративні утворення в Київській державі, існували ще з 1569 р. й поділялися на земські, місцеві й підкомірні. А з 1763 р., у зв'язку з політичними реформами, вони стали ділитися лише на земські та місцеві. У козацькій громаді козаків судила козацька старшина. Система судових справ полягала в тому, що справи із земських та інших різноманітних питань розглядалися судами, а судові старшини доповідали про них гетьману. Були створені також

полкові канцелярії, які займалися архівуванням справ [2, 720 с.].

Головним був Генеральний суд, який складався із трьох генеральних старшин і двох генеральних суддів. Він перебував під гетьманською апеляцією [9, с. 16]. Якщо одна зі сторін була не згодна з рішенням Генерального суду, то справу, викладену в короткій та лаконічній формі, передавали на розгляд гетьману [9, с. 17].

До земського суду входили полковники, зі старшинами. Кожен малоросійський полк мав підкоморний, земський і місцевий суди, у кожному з яких були судді, підсудки та писарі. Такі суди були під апеляцією генерального суду. Земським суддям надавалася перевага над бунчуковими товаришами, які мали рівні права з підсудками, а земські писарі були на рівні з полковими осавулами. Суддям підкоморних судів та помічникам суддів надавалися права, рівні з возними (судовими урядовцями).

Аналіз останніх досліджень і публікацій.

Дослідження та наукова розвідка ґрунтувалась на наукових матеріалах таких науковців, а саме: Гримич М. В., Кушинська Л. А., Лавриненко С. Т., Левицький О. І., Швидько Г. та ін. В межах дослідження було проаналізовано народні пісні Київщини (з колекцій збирачів фольклору), правові звичаї та історичні факти, які розглядаються як джерела права IX–XIX ст.

Мета статті. Проаналізувати сюжети балад та виявити в них елементи кримінального права, а також охарактеризувати справи волосних судів Київської губернії, простежити паралелі у сюжетах балад у розрізі кримінального права.

Виклад основного матеріалу. Судочинство виникло в процесі вирішення різноманітних питань, удосконалення суспільних взаємин задля захисту прав членів суспільних груп чи окремих осіб. Головною функцією підкоморних судів було вирішення справ між власниками державних або монастирських володінь [7, 303–347 с.]. Їх рішення передавали до Малоросійської колегії. Ця колегія передавала справу комісарам, які представляли малоросійських чиновників, бунчукових та інших. Якщо в ухваленні рішення чиновники вбачали несправедливість або хибно вирішений спір, то таке рішення або виправляли, або скасовували взагалі [5, с. 38–45].

Що стосується земських судів, то вони вирішували справи із боргових спорів. Апеляцію із земського суду подавали до генерального.

Градські, або ж місцеві суди вели справи, які стосувалися грабунків, гвалтувань, вигнань, посягання на майно, тобто кримінальні, а також побутові справи. Як і земські суди, градські передавали апеляції до Генерального суду.

Із 1781 р. судовою системою знову зазнала змін, і замість генерального суду створили Верховний земський суд, який функціонував у кожній губернії. Також було створено по одному губернському магістрату (у Литві, Польщі й в Україні до другої половини XIX ст., у деяких західноєвропейських країнах як орган міського самоврядування,

муніципалітет) [13, с. 590] і верхньої розправи (у Росії кінця XVIII – початку XIX ст. – сільська адміністративна установа та її приміщення) [15, с. 505].

Замість підкоморних, земських і градських судів у кожному місті та повіті було засновано повітовий суд, нижній земський суд і місцевий магістрат. У Київській губернії було створено по шість таких установ [15, с. 257].

Із 1839 р. систему волосних судів, створених на основі селянського самоуправління, було реорганізовано. Головне завдання такого суду полягало в позитивному впливі на населення, знищенні бюрократизму та усуненні недоліків, пов'язаних із тривалою процедурою письмового провадження [18, с. 3]. Громада відігравала неабияку роль в організації волосного суду, а особливо в здійсненні ним кримінального правосуддя. Її основу становили два види процедур: перший – у суді брали участь старости й цілувальники – судові мужі. Без волосного, старості й мужів громада не мала права судити.

Другий вид базувався на тому, що для здійснення кримінального правосуддя по деяких злочинах суддя надавав право громаді [18, с. 3]. Тому спільнота мала право сама судити й карати злочинців без княжих чиновників. Громада навіть мала право під час суду винести смертельний вирок і виконати його самостійно.

Ще в другій половині XVIII ст. Канцелярія, яка займалася веденням кримінальних справ, делегувала свої повноваження земському самоуправлінню. 1764 р. для обслуговування «економічних» селян – тих, що вели господарство та служили в духовенстві, – були призначені особливі чиновники, яких називали казначеями (скарбниками). Справи побутового рівня між селянами вирішувалися представниками громади – сотником і старостою.

Важливим законом, виданим у XVIII ст., який стосувався волосних судів, було налагодження порядку в селах Катеринославського намісництва цей правовий акт поклав початок розвитку волосних та сільських судових організацій, які отримали остаточне затвердження в законах 1838 р. [12, 280 с.].

У невеликих населених пунктах суд здійснювали старшини й старости через представників-посередників від сторін. Сільські та волосні суди вирішували суперечки та конфлікти між односельчанами, а також справи за малим позовом (дрібні крадіжки, родинні сутички, образи, приниження гідності). Від початку свого існування волосні суди не мали права вирішувати справи про крадіжки та шахрайство. Ними займався суд Нижньої розправи. І лише з 1812 р. після низки прийнятих законів справи про крадіжки до 5 рублів, різноманітні обмани, легкі тілесні ушкодження та образи в бійках чи сварці, пияцтво, непослух, свавілля вирішували на волосному суді. Важливим питанням у діяльності волосних судів були вид і міра покарання. За злочини або проступки

волосний суд мав право покарати винуватця домашнім арештом [20, 366 с.].

Тривалий час суть волосних судів була мало визначена й вони не мали чіткої організації. Діяльність волосного суду залежала від тих звичаїв, які здавна були притаманні сільському люду в тій чи іншій місцевості. Для дослідження особливостей тогочасного суду було недостатньо збережених писаних законів чи інструкцій, деякі його властивості відновлювали за допомогою зібраних усних переказів. Із 1838 р. судам сільського самоврядування був наданий юридичний статус та законодавче визначення. Сільський та волосний суди в нормативно-правових актах називали домашніми судами [13, 527 с.]. Вони склалися із сільської й волосної розправи. До складу першої входили представники сільської старшини, двоє добросовісних людей (старший і молодший), яких обирали селяни на три роки. Друга складалася із волосного голови та двох добросовісних людей. Усі справи в письмовій формі вів сільський писар. Згодом сільську розправу скасували. Відтоді вже щороку селяни збиралися для обрання від чотирьох до двадцяти наступних суддів [19, 175 с.].

При вирішенні будь-яких спорів, розслідування злочинів або проступків волосний суд керувався сільсько-судовим уставом 1839 р. Волосний суд призначав такі покарання:

- загальні роботи до 6 днів;
- грошовий штраф до 3 рублів;
- арешт до 7 днів;
- покарання різками до 20 ударів.

Волосний суд існував на основі виробленої попередніми судовими інстанціями практики, були змінені тільки правила обрання суддів, в якому брала участь волость. Волосний суд збирався один раз на два тижні по неділях, якщо ж існувала необхідність, то в будь-який інший день тижня [6, с. 343–347]. У компетенцію волосного суду входив розгляд скарги ображеного, або його родичів у випадку, якщо ображений був неповнолітнім. Розглядали справи на вимогу волосного старшини, помічника його та сільського старости; на вимогу свідка за умови, якщо ображений самостійно не може принести скаргу.

Усі справи волосного суду відбувалися в усній (словесній) формі. У волості існувала книга, куди записувалися судові вироки. Там фіксувалось ім'я винного, суть проступку й міра покарання за нього.

Рішення волосних судів щодо проступків вважалися остаточними і не передавалися ні на апеляцію, ні на касацію (за законом 1861 р.) [16, 568 с.].

Волосній системі суду були підпорядковані всі мешканці сіл. У судовій системі села містилися постанови про злочин та кару, але на рішення волосних судів певним чином вплинув світогляд народу, його переконання та вікові традиції [8, 252 с.]. Отже, волосний суд був народним, керувався звичаями та мав тісний зв'язок із повсякденних побутовим життям сільських людей.

Для вивчення звичаєвого права дослідники орієнтувалися на життя простого люду й традиції волосного судочинства, а також на акти угод між селянами, зафіксовані в книгах при волосних правліннях.

Рішення волосних судів умовно поділялися на дві групи: цивільні та кримінальні [18, с. 30]. Вони були короткими за своєю структурою та змістом, часто без конкретизації правових мотивів, внаслідок чого було складно зрозуміти, чим саме керувався суддя при винесенні вироку. Головною властивістю народного звичаєвого права є його спрямованість на матеріальне право, з урахуванням індивідуальності, особистості людини, які викристалізуються через соціальні та сімейні відносини. [4, 588 с.].

Щоб зробити висновки щодо діяльності інститутів народного звичаєвого права, їх кореляцію із народними традиціями та світоглядом, необхідно порівняти рішення волосних судів Київської губернії та фольклорні традиції краю, в яких закарбовано подібні ситуації, тобто елементи звичаєвого права.

Елементи звичаєвого права класифікуємо за сучасною системою діючого права. Елементи права класифіковані відповідно до: кримінального права, цивільного права, фінансового права, трудового права, майнового права і т.д. Норма закону складається з гіпотези (умова та обставини злочину), диспозиції (поведінка правопорушника), санкції (міра покарання). Кримінальний кодекс класифікує злочини за видами: проти життя; проти волі, честі та гідності; проти власності; проти громадської безпеки тощо.

Проаналізуємо судові рішення кримінальних справ у порівнянні з фольклорними текстами за схемою, поданою нижче.

Рішення волосного суду	Фольклорний відповідник
№ 2. 1871 рік. <i>Кваліфікація злочину:</i> злочин проти власності – крадіжка; злочин проти особистої безпеки – побиття батьків; злочин проти гідності та честі – образа батьків дією. <i>Диспозиція:</i> Грабування та побиття сином рідного батька та матір, а також свояка. Причиною такого злочину стало бажання женитися та мати свій особистий капітал. Щоб обійти чвари між жінками (матір'ю та дружиною), чоловік вирішив узяти свою частку й відділитися від батьків. <i>Суд постановив:</i> відібрати у батька вола та передати сину, а сінокіс залишити за батьком, оскільки частина землі йому належить за законом і відведена була по Люстраційній комісії його брату. <i>Санкція:</i> штраф рублем на користь мирської суми [18, с. 3–4]	Балада «Ні на кого я не жалію, – на свого татонька» <i>Кваліфікація злочину:</i> злочин проти власності – крадіжка майна у родичів; злочин проти особистої безпеки – побиття (ймовірно) батька та брата дружини, вбивство свідка (дружини). <i>Дівчина жаліється на батька, що той віддав її заміж за розбійника. Чоловік грабує батька та брата своєї дружини і показує їй свою здобич. Коли дівчина впізнає у цій здобичі майно свого батька та брата, то чоловік-розбійник кидає її у Дунай:</i> – Кінь вороний, – то мого брататонька, Срібло, золото – то мого татонька. ...Вкинув Ганю в Дунай глибокий: – Було б тобі, Ганю, того не казати, Тепер мусиш в морі потопати! [3, с. 449].
№ 242. 27 квітня 1868 р. <i>Кваліфікація злочину:</i> злочин проти гідності та честі – подружні чвари, аморальна поведінка дружини/чоловіка. <i>Диспозиція:</i> Селянка Г. А. подала скаргу на свого чоловіка Г. Ш., який її не приймав у подружньому житті. Під час слідства виявилось, що чоловік свою жінку викрив у розбещеній поведінці. <i>Суд постановив:</i> чоловіку та дружині жити в злагоді між собою, дружині слухатися чоловіка, а чоловіку приймати дружину. Селянці Г. А. вести себе порядно. При невиконанні подружжям настанови судом їхня справа буде піддана законному обговоренню. [18, с. 206]	Балада «Мати сина колихала» <i>Кваліфікація злочину:</i> злочин проти гідності та честі – образа батьків дією. <i>Син вигнав матір з рідної хати, матір доживала віку скитаючись.</i> Пішла мати, згинаючи, Попідтинню скитаючи, Собі хліба шукаючи, А де днює, там ночує... [10, с. 352]
	Балада «Ой поїхав Омелько» <i>Кваліфікація злочину:</i> злочин проти гідності та честі – зрада жінки. <i>Поки чоловік працював у полі, його дружина покинула малих дітей та й пішла розважатися з іншими чоловіками:</i> Ой оре той Омелько Да на шлях поглядає, Усі жінки обід несуть, – Катерини немає... ...Катерина – не дура, Нові чоботи вбула, В новий кожух удяглася, За хлопцями подалася [10, с. 277]. Балада «Пішов Яків та й до вдівоньки, до нової хати» <i>Кваліфікація злочину:</i> злочин проти гідності та честі – зрада чоловік; злочин проти особистої безпеки – нанесення ножових поранень дружині. <i>Яків не сприймає своєї дружини і зраджує її з вдовою. За намовлянням вдови-коханки ображає й убиває дружину:</i> Прийшов Яков та додомочку, почав жінку бити... ...– Ой ти гидка, ой ти бридка, тікай хоч од мене... Єсть у мене гостресенький ніжик, весь застромлю у тебе. Убив, убив Яків свою жінку... [3, с. 201] Балада «Ходить, блудить козак по дорозі» <i>Кваліфікація злочину:</i> злочин проти гідності та честі – зрада чоловік. <i>Козак тривалий час не був удома, а коли приїхав, то дізнався про зраду своєї дружини:</i>

Рішення волосного суду	Фольклорний відповідник
№295. 5 травня 1868 р. <i>Кваліфікація злочину:</i> злочин проти суспільного порядку, благоустрою – аморальна поведінка, пияцтво. <i>Диспозиція:</i> єврей Р. І. поскаржився на селянина С. С., що той у стані алкогольного сп'яніння заліз до його млина й побив його. Під час слідства з'ясувалося, що селянин С. С. не бив єврея. <i>Санкція:</i> штраф єврею у розмірі 2 руб. із попередженням. [18, с. 237]	...Пішов би я до жінки своєї, – Уже вона заміж пішла... [3, с. 172]. Балада «На городі чорнобиль» <i>Кваліфікація злочину:</i> злочин проти гідності та честі – двоєжонство. <i>Чоловік поїхав в інший край і там одружився вдруге. До нього приїхала його перша дружина, з якою у них спільні діти. Чоловік передумав і повернувся додому з першою дружиною:</i> Мій милий в чужім селі На другій одружився... ...Ой ти дівко Титяно, Оставайся дівкою,... Я поїду з жінкою [10, с. 274]. Балада «Стояла сосна» <i>Кваліфікація злочину:</i> проти суспільного порядку – аморальна поведінка чоловіка – обман дівчини, пияцтво чоловіка. <i>Чоловік у шинку пив та й підманув дівчину-шинкарку. Та повірила поїхала в інший край і пожалкувала про свій учинок:</i> – Ідъ, дівко, з нами, З волошинами. А в нашім краю Не по-вашому – Не тчуть, не прядуть, Мед-горілку п'ють. Дурна дівка була Та ф послухала, З волошинами Та й поїхала... [10, с. 298].

Таким чином, джерелом народного права був узвичаєний устрій, моральні й етичні норми, правила поведіння в родині та громаді, які упродовж тривалого часу формувалися в соціумі, загалом соціально-побутове життя народу.

Висновки та пропозиції. Проаналізовано сюжети балад та виявлено в них елементи кримінального права. Це свідчить про опис у баладах реальних, зазвичай трагічних історій, які містять склад злочину. Дослідивши справи волосних судів Київської губернії, простежено паралелі у сюжетах балад у розрізі кримінального права. Ці норми й правила були спрямовані на запобігання конфліктним випадкам чи ситуаціям, їх недопущення, а в разі їх виникнення – на справедливе вирішення. Умови й ситуації житейських справ членів громади були створені самими людьми в усній формі, та передавалися нащадкам, зокрема, й у фольклорних текстах. Опис наслідків та рішення по різноманітних справах громада фіксувала у суддівських книгах, що стимулювало зародження народної юридичної науки. Для вивчення звичаєвого права дослідники, по перше, спостерігали народне життя, розпитували селян із різних регіонів про ті чи інші норми права та їх застосування у конкретних ситуаціях, а по-друге – вивчали писемні свідчення, – справи та рішення волосних судів, акти укладання

договорів між селянами, які записувалися у спеціальні книги волосних правлінь.

Цікаво, що судові палати та окружні суди свої рішення нерідко обґрунтовували згідно з місцевими звичаями. Про таке явище свідчить судова практика також в інших соціально-культурних осередках.

Список літератури:

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1972. 375 с.
2. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов: в 35 тт. Ч. 8 [Акты юридические] / ред. Н. Т. Корчак-Новицкий. Т. V: Акты об украинской администрации XVI–XVII вв. К.: Типогр. Имп. ун-та Св. Владимира, 1907. 720 с.
3. Балади: Родинно-побутові стосунки / упоряд. О. І. Дей, А. Ю. Ясенчук (тексти), А. І. Іваницький (мелодії). К.: Наукова думка, 1988. 513 с.
4. Гримич М. В. Інститут власності у звичаєво-правовій культурі українців XIX – початку XX ст. К., 2004. 588 с.
5. Кушинська Л. А. Перетворення звичаю на звичаєве право в середовищі східних слов'ян. Держава і право: щорічник наук. праць молодих вчених. К.: Ін Юре, 1999. С. 38–45.

6. Лавриненко С. Т. Мовна репрезентація фрагментів правового знання в українських соціально-побутових піснях. Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка. Філологічні науки. 2009. Вип. 20. С. 343–347.
7. Ланге Н. Древнерусское право в «Истории» г. Костомарова. Русский вестник. 1876. № 5. С. 303–347.
8. Левицький О. І. По судах Гетьманщини : нариси народного життя Гетьманщини 2-ї половини XVII віку / передм., ред. і пер. М. Горбаня. Харків : Рух, 1930. 252 с.
9. Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта старой Малороссии / под ред. Н. П. Василенко. Чернигов: Типогр. Губ. земства, 1902. Вып. II. Экстракт из указов, инструкций и учреждений, с разделением по материям на девятнадцать частей. Собрано в Правительствующем Сенате по малороссийской экспедиции 1786 года. IX, 296 с.
10. Народні пісні Київщини (з колекцій збирачів фольклору) / упоряд. та вступ. статті Л. О. Єфремової. К. : Логос, 2017. 695 с.
11. Положения 19 февраля 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. М., 1916. Т. XXXVI. Отд. 1. № 36640, 36652, 36657–36675.
12. Правовий звичай як джерело українського права IX–XIX ст. / І. Б. Усенко, В. Д. Бабкін, І. В. Музика та ін. К. : Наукова думка, 2006. 280 с.
13. Праці Комісії для виучування історії західньо-руського та українського права / ред. і авт. передм. Н. П. Василенко. К. : Друкарня Української академії наук, 1929. XLII, 527, [7] с.
14. Словник української мови: в 11 т. / ред. кол.: І. К. Білодід та ін.; АН УРСР; Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ: Наук. думка, 1970–1980. Т. 4: І–М / ред. А. А. Бурячок, П. П. Доценко. 1973. 840 с.
15. Словник української мови: в 11 т. / редкол.: І. К. Білодід та ін.; АН УРСР; Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ: Наук. думка, 1970–1980. Т. 7: Поїхати–Приробляти / ред.-упоряд. О. Є. Марцинківська, Л. О. Родніна, В. М. Русанівський та ін. 1976. 723 с.
16. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 4: Харьковская и Полтавская губернии. СПб.: Тип. Второго Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1873. 568 с.
17. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 5: Киевская и Екатеринославская губернии. СПб.: Тип. Второго Отделения Е.И.В. Канцелярии, 1874. 568 с.
18. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной ИРГО. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования: в 7 т. / собрал П. П. Чубинский. Т. 6: Народные юридические обычаи по решениям волостных судов / изд. под. набл. П. А. Гильтебрандта. СПб.: тип. К.В. Трубникова, 1872. XVI. 408 с.
19. Швидько Г. Історія держави і права України (X – XIX століття) : навч. посіб. Дніпропетровськ : Вид-во ДДУ, 1998. 175 с.
20. Якушкин Е. И. Обычное право русских инородцев: Материалы для библиографии обычного права. М. : Университетская типогр. 1899. 366 с.

Strochenko L.V.

*candidate of philological sciences, associate professor,
Odessa National I.I. Mechnikov University*

CONCEPT GENIUS IN THE ENGLISH PICTURE OF THE WORLD

Summary. The article is dedicated to the investigation of the peculiarities of verbalization of the concept GENIUS in the English picture of the world. The research presents main aspects of the study of the phenomenon of *genius* in philosophy and psychology. The research singles out conceptual features of the analyzed concept in the English explanatory dictionaries and specialized encyclopedias. These sources represent two variants of the English picture of the world, namely, naïve and scientific. The following conceptual features have been singled out: intelligence, creative abilities, extraordinariness, originality, age, ability to deal with difficult tasks, exclusivity, achievements which were proved, demonstrated, deep knowledge of a certain sphere, mastery, independence, endurance, inspiration, dissimilarity from others, fervor, work, originality.

Key words: concept, conceptual feature, picture of the world, genius.

Introduction

Cognitive linguistics grew out of the work of a number of researchers active in the 1970s who were interested in the relation of language and mind, and who did not follow the prevailing tendency to explain linguistic patterns by means of appeals to structural properties internal to and specific to language. At the present stage of its development, cognitive linguistics has a great deal of works devoted to the study of related concepts, in particular, BRAIN, INTELLECT [1]. However, the phenomenon of *genius*

as the highest manifestation of intellectual or creative activity of a person – who is called *a genius* – has remained beyond the attention of linguists which adds to the *relevance* of this study.

Among main trends in the study of the phenomenon of *genius* are: *irrational approach*, which emphasizes the divine nature of *genius* and is closely related to archaic and religious ideas; *rational approach*, within which *genius* is seen as the innate quality of a person, which makes it possible to clarify *genius* as a property of the human mind and to study it

in different directions in psychology and genetics, as well as to determine biological (instincts, memory, genetic heredity, innate abilities to creativity) and psychological (fantasy, imagination, inspiration, spontaneity) factors of *genius*; *empirical approach*, according to which genius is the acquired property of a person in the process of his/her development; *socio-cultural approach*, which considers the significance and, at the same time, problematic interaction of a genius and society.

The aim of the present paper is to study the means of embodiment of concept GENIUS in the English language. The theoretical premises of the work are the basics of semantic-cognitive approach to the study of concepts. According to Z.D. Popova and J.S. Sternin, representatives of the semantic-cognitive approach, *concept* is a basic unit of human mental code, which has an internal structure consisting of conceptual features; it is the result of the individual and social cognizing of the world. Conceptual features contain comprehensive information about the corresponding object or phenomenon, as well as the interpretation of information of public consciousness and the treatment of the subject or phenomenon [2]. Thus, representatives of this trend treat language as one of the main tools of cognition and conceptualization of the world. To examine a concept through the language is the most reliable way of linguistic analysis which allows to detect its conceptual features and to work out the model of the concept. The structure of a concept is manifested through dictionary definitions of the corresponding lexical units (the name of the concept and its synonyms) and through speech contexts. The linguistic embodiment of the concept under study is being considered on the basis of English explanatory dictionaries and specialized encyclopedias.

Results and discussion

First of all, let us consider the motivational features of the studied concept through the analysis of the etymology of the English lexical unit *genius* which comes from Latin.

"*L. **genius** the superior or divine nature which is innate in everything, the spirit, from **genere, gignere**, to beget, bring forth*".

The Latin noun *genius* for a long time maintained links with the verbs *genere, gignere* (give birth). In a historical perspective, the term *genius* is rather problematic: it has had a long history of use, and has acquired multiple meanings, describing vastly different phenomena. The first known instance of the term *genius* being used in the English language is during the Roman Empire, where it referred to a male spiritual protector or a guardian spirit. Typically, the protection offered by a genius was applied to individuals, families, and physical spaces. Every person, family, city, body of water, or other important physical structure had its own genius. In addition, a genius could also refer to the "spirit of the times" or *zeitgeist*. Over time, genius became more intimately connected with individuals. However, it was not until the Enlightenment when the connotations of the word obtained its present implications: *genius* referring to the superior or unique abilities of an individual person. In the second half of

the XVIII century there was a turning point in the semantics of this lexical unit. Since then, *genius* has denoted not only *a special ability*, but also *a person who has such quality*. That is when there appeared numerous researches, which gave impetus to further study of this phenomenon [3].

Thus, the inner form of this nomination foregrounds the irrational component of the corresponding concept.

Modern explanatory dictionaries of the English language register four senses of lexeme *genius* and offer the following definitions.

"**Genius** 1. *A good or evil spirit, or demon, supposed by the ancients to preside over a man's destiny in life; a tutelary deity; a supernatural being; a spirit, good or bad. Cf. Jinnies "The unseen genius of the wood." We talk about the genius still, but with thought how changed! The genius of Augustus was a devotee of the demon, to be sworn by and to receive offerings on an altar as a god*".

The first sememe refers to the genius-spirit, that affects the destiny of a person or locality, which testifies that, the original meaning of this lexical unit rooted in Latin is preserved up to now.

"**Genius** 2. *A man endowed with uncommon vigor of mind; a man of superior intellectual faculties and creativity; Shakespeare was a rare one **genius***".

The second sememe indicates a person with extraordinary abilities. These abilities relate to human intelligence or his/her creativeness. Such qualifiers as *uncommon, superior* emphasize the uniqueness of the intellectual and creative capabilities of a person.

"**Genius** 3. *Distinguished mental superiority; uncommon intellectual power; especially, a superior power of invention or the generation of any kind, or of forming new combinations; as a man of genius. "Genius of the highest kind implies an unusual intensity of the modifying power"*.

The third sememe indicates this extraordinary ability, quality of a person. Again, such senses as *uncommon, superior, distinguished* emphasize the novelty of the discovery or invention made by such person.

"**Genius** 4. *The peculiar structure of mind with which each individual is endowed by nature; that disposition or aptitude of mind which is peculiar to each man, and which qualifies him for certain kinds of action or special success in any pursuit; special taste, inclination, or disposition; as, a genius for history, for poetry, or painting*".

Finally, the last sememe denotes the natural inclination of a person to a certain type of occupation – *aptitude, disposition*, which is inherent in every person and is an individual feature – *peculiar to each man*.

Since explanatory dictionaries reflect the naïve image of the world, the following notional conceptual features of GENIUS in the English naïve world image can be singled out: **intellect** (verbalized by the following lexical units used in dictionary definitions: *intellectual faculties, intellectual power, intelligent, mental, vigor of mind*); **creative abilities** (verbalized by such lexical units: *creative power, talent, creativity*); **outstanding**

/ **highest** / **extraordinary** (verbalized by the following lexical

units: *uncommon, superior, distinguished, highly, exceptional, extraordinary, marked superiority*); **novelty** / **originality** (verbalized by the following lexical units: *the power of invention or the formation of new combinations; the original work*).

I. Alongside with the lexeme *genius*, which nominates the given concept, they constitute the nucleus of the corresponding nominative field.

One of the stages of the analysis of the nominative field of a concept concentrates on singling out the medial part of the field. In our case it is represented by several synonymic lexical units.

II. The first of the registered nominations is formed by compounding of two units which refer to the brain and the computer respectively:

"Brainiac (n.)"very smart person," 1982, U.S. slang, from brain (n.) + ending from ENIAC, etc. Brainiac also was the name of a comic book villain in the Superman series and a do-it-yourself computer building kit, both from the late 1950s, and the word may bear traces of either or both of these";

"ENIAC – acronym from "electronic numeral integrator and computer," device built 1946 at University of Pennsylvania by John W. Mauchly Jr., J. Presper Eckert Jr., and J.G. Brainerd. It cost \$400,000, used 18,000 radio tubes, and was housed in a 30-foot-by-50-foot room".

Until 1982, this nominative unit served as the name of certain cartoon characters, so probably some features of these characters are still reflected in the meaning of the word, which is defined as:

"Brainiac. (Slang)
A person who is highly intelligent".

It is worth mentioning that the explanatory dictionaries used in the study indicate prototype examples of geniuses, such as Shakespeare and Mozart. Another example of the typical representative of the category "genius" is the scientist Albert Einstein whose surname became synonym to the lexical unit "genius". This case of antonomasia (*einstein*) is registered in the dictionaries.

"Einstein – someone who has exceptional intellectual ability and originality".

The definition of the next nomination contains an indication of a very smart person and the specifics of his/her activity: namely, running some important and difficult project:

"Mastermind. A
highly intelligent person, especially one who plans and directs a complex or difficult project".

Another nominative unit is an example of metonymy used to denote (in colloquial English) an extremely clever person:

"Brain (Informal) A highly intelligent person".

It should be noted that these synonymous nominative units have several common features. Their definitions contain an indication of a high level of intelligence and they, as a rule, function in the colloquial layer of the English language.

The only exception here is the nominative unit *prodigy*, which has the following semantic components in its dictionary definitions: the indication of a young person with extraordinary intellectual and creative abilities:

prodigy – *an unusually gifted or intelligent young person; someone whose talents excite wonder and admiration; "she is a chess prodigy"*.

We treat PRODIGY as a subconcept that should be included in the medial part of the analyzed nominative field of the concept GENIUS. The given subconcept in its turn is represented by the following lexical units: *wunderkind, child prodigy, infant prodigy, whiz kid*. The analysis of the definitions of all mentioned units enabled singling out such conceptual features as **age** (*a child or young person*); **intelligence** (*ability, intelligent*); **creative abilities** (*talent, gifted*); **extraordinariness** (*unusually, excite wonder and admiration*).

Thus, in the English naïve picture of the world concept GENIUS is represented by the following core conceptual features: intelligence, creative abilities, extraordinariness, originality, and medial ones: age, ability to deal with difficult tasks.

The next stage of our research deals with the analysis of conceptual features of GENIUS in the English **scientific image of the world**. The investigation is based on the material of specialized medical dictionaries [4] and encyclopedias [5; 6].

Let us first consider the definition of the lexeme that nominates the studied concept in the given lexicographic sources.

"Genius: *the demonstrated exceptional achievement in a person. Different theories: born with, environmental reasons, overcompensation for inferior feelings. Generally seen as a joint product of heredity and environment"*.

The given definition contains a short definition of the phenomenon of genius, which manifests itself in the exceptional, extraordinary achievements of a person, and gives three basic theories of the emergence of this phenomenon and its generally accepted interpretation as a combination of heredity and the environment.

Another definition in the English specialized dictionary foregrounds extraordinary abilities and creativity of a person, in particular, intelligence, with one of its indicators being the level of IQ – 140 and above:

"Genius: *a term used to describe a person with exceptional ability and creativity within a particular field, for instance intellect (by defining IQS of 140+ as the guideline for genius)"*.

Both the above mentioned definitions foreground such conceptual features of GENIUS as **exclusivity** (manifested by the same *exceptional*), **intellectual abilities** (*intellect, defining IQS of 140+*), **creative abilities** (*creativity*), **achievements that have been demonstrated** (*demonstrated achievements*).

One of main differences between the definitions of general explanatory dictionaries and medical ones is that the latter emphasize exclusively the intellectual abilities of a person-genius, while the

explanatory dictionaries also mention outstanding creative potential.

Another feature of the scientific interpretation of the phenomenon of genius is the indication that it can be measured by the IQ test: according to psychologists, a person is considered a genius if his level of IQ is higher than 140. According to official statistics, such personalities make up only 1% of mankind.

Focused on a wider range of readers *Encyclopedia Britannica* contains an article defining the phenomenon of genius, at the beginning of which genius is specified as a person with extraordinary intelligence:

“Genius (in psychology) a person of extraordinary intellectual power”.

Then the article gives the history of the theory which defines genius through intelligence tests and criticism of such researches:

“Definitions of genius in terms of intelligence quotient (IQ) are based on research originating in the early 1900s. In 1916 the American psychologist Lewis M. Terman set the IQ for “potential genius” at 140 and above, a level exhibited by about 1 in every 250 people. Leta Stetter Hollingworth, an American psychologist who studied the nature and nurture of genius, proposed an IQ of 180 as the threshold—a level that, at least theoretically, is exhibited by only about one in every two million people”.

As seen from the given definition, another conceptual feature – **rareness of a genius** – is foregrounded here – *one in every two million people*. The article also highlights a term *potential genius*, that is, a person who has certain exceptional abilities but does not always realize them.

Psychologists who specialize in the study of gifted children, however, have observed that the *genius* designation occurs much more frequently than it should be reasonable, leading some to speculate that a “bump” has emerged, with many more geniuses appearing in the general population than seems statistically probable. There is a probability, of course, that conventional intelligence tests are ineffective in measuring intellectual ability beyond a certain point. In any case, “genius,” as determined by these tests, simply means great intellectual ability and signifies *potential* rather than *attainment*.

The article in *Encyclopedia Britannica* also highlights two theories concerning the phenomenon of genius. M. Terman's theory holds that genius is an exceptionally extraordinary intellectual ability. The second theory which was presented in the works of F. Galton and which is more popular, according to the author of the article, defines genius as creative abilities that were realized in a particular achievement, having a long-lasting value.

“The word genius is used in two closely related but somewhat different senses. In the first sense, as popularized by Terman, it refers to great intellectual ability as measured by performance on a standardized intelligence test. In the second and more popular sense, as derived from work of the 19th-century English scientist Sir Francis Galton, it designates creative ability of an exceptionally high order as demonstrated by actual achievement—always

provided that such achievement is not merely of transitory value or the result of accident of birth”.

The next fragment of the *Encyclopedia* article considers differences between **talent** and **genius**. Here new conceptual features of GENIUS can be singled out, namely, **originality** and **possibility of discovering something new** in spheres which were not previously explored:

“Genius is distinguished from talent, both quantitatively and qualitatively. Talent refers to a native aptitude for some special kind of work and implies a relatively quick and easy acquisition of a particular skill within a domain (sphere of activity or knowledge). Genius, on the other hand, involves originality, creativity, and the ability to think and work in areas not previously explored—thus giving the world something of value that would not otherwise exist”.

The overview of existing theories of the nature of genius foregrounds two other conceptual features, namely, **fervor** and **work**:

“There have been a variety of attempts to explain the nature and source of genius, as well as many investigations of the relationship of genius to madness. Galton, who inaugurated the systematic study of genius, formulated the theory that genius is a very extreme degree of three combined traits—intellect, zeal, and power of working—that are shared by all persons in various “grades.” In his Hereditary Genius (1869), he put forth the idea that genius, as measured by outstanding accomplishment, tends to run in families. This became a controversial viewpoint, and, since its introduction, scientists have disagreed about the degree to which biological heredity, as distinct from education and opportunity, is responsible for the great differences in achievement between individuals”.

Although the theories which associate **genius** and **insanity** are rather controversial, we consider the same *madness* as a representation of the conceptual feature **dissimilarity**. This feature is also foregrounded in the following fragment:

“The qualities of extreme genius may, however, be associated with unique problems. While Terman found that children of high general intelligence, classified as “gifted” or “potential genius,” are on the average superior to other children in physique and health and in emotional and social adjustment, Hollingworth's studies (as well as more-recent investigations) showed that profoundly gifted children may suffer a variety of problems related to their clear deviance from their age peers”.

Modern researchers point out that genius is always accompanied by perfect knowledge in a particular field, his skill and his autonomy, which allows not only to work alone, but also to express pioneering looks, endurance and inspiration:

“The study of eminent men and women showed how great creative achievement cannot exist without mastery of the skills and specific knowledge of a domain. These can be achieved only through excellent training and access to accomplished teachers and mentors. At the same time, Csikszentmihalyi

demonstrated a link between creative genius and “**flow**,” a state of mind in which the creative individual experiences a sense of challenge, timelessness, and oneness with the work at hand. Finally, in studying the personalities of prominent individuals, Csikszentmihalyi identified common attributes in their psychological makeup. One such trait is **autonomy, which is needed for working alone and for daring to express novel or divergent points of view**. Another example is **endurance, which involves an ability to persist, to complete tasks, and to follow through—a characteristic that all true geniuses seem to have**”.

Thus the definitional analysis enabled singling out the following conceptual features of the concept GENIUS in the English scientific image of the world: exclusivity (manifested by semes *exceptional, superior*), intellectual abilities (*intellect, defining IQs of 140+*), creative abilities (*creativity*), achievements which were proved, demonstrated (*demonstrated achievement*), deep knowledge of a certain sphere (*specific knowledge of a domain*), mastery (*mastery of the skills*), independence (*autonomy, which is needed for working alone and for daring to express novel or divergent points of view*), endurance (*endurance, which involves an ability to persist, to complete tasks, and to follow through*), inspiration (“*flow*”), dissimilarity from others (*deviance, madness*), fervor (*zeal*), work (*power of working*), originality (*originality, the ability to think and work in areas not previously explored*).

Conclusions

The study of a concept through the language is the most reliable way of linguistic analysis which allows to detect conceptual features and to work out the structural model of the concept. The structure of a concept is manifested through dictionary definitions of the corresponding lexical units and through speech contexts. The linguistic embodiment of the concept GENIUS was considered on the basis of English

explanatory dictionaries and encyclopedias which represent two variants of the English picture of the world, namely, naïve and scientific. In the English naïve picture of the world concept GENIUS is represented by the following core conceptual features: intelligence, creative abilities, extraordinariness, originality, and medial ones: age, ability to deal with difficult tasks. The definitional analysis enabled singling out the following conceptual features of the concept GENIUS in the English scientific image of the world: exclusivity, intellectual abilities, creative abilities, achievements which were proved, demonstrated, deep knowledge of a certain sphere, mastery, independence, endurance, inspiration, dissimilarity from others, fervor, work, originality.

The prospect of further research is seen in consideration of the verbalization of concept GENIUS in the English artistic discourse.

REFERENCES

1. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
2. Попова З.Д. Семантико-когнитивный подход как направление когнитивной лингвистики. Vita in lingua: К юбилею профессора С.Г. Воркачев: Сборник статей / отв. ред. В.И. Карасик. Краснодар: Атриум, 2007. С. 171-180.
3. Ball L.C. The Genius in History: Historiographic Explorations. The Wiley handbook of genius. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. P. 3-19.
4. Genius. URL: <http://www.thefreedictionary.com/genius>
5. Genius. URL: <https://psychologydictionary.org/genius/>
6. Genius. URL: <https://www.britannica.com/topic/genius-psychology>

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Ахматов Всеволод Викторович

ПРОБЛЕМА ЗЛА, ГРЕХА И СВОБОДЫ В ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Akhmatov Vsevolod Viktorovich

THE PROBLEM OF EVIL, SIN, AND FREEDOM IN THE EASTERN CHRISTIAN RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL TRADITIONS

Аннотация. Актуальность представленного исследования определяется тем, что проблема зла, греха и свободы, исследуемая в контексте религиозно-философского дискурса способствует более углубленному анализу причин общественных и социальных конфликтов, явлений насилия, экстремизма и терроризма. В статье рассматриваются источники православной святоотеческой богословской традиции. Раскрывается общее учение православных богословов о происхождении нравственной жизни человека.

Цель работы: Показать важность и актуальность духовно-нравственной проблематики, вопросов выбора добра и зла для углубления современного философского дискурса в направлении профилактики межрелигиозных, общественных и социальных конфликтов, явлений насилия, экстремизма и терроризма.

Методы исследования. Историко-философский и религиозно-философский анализ, нравственно-этический, эсхатологический подходы к проблеме. **Результаты.** Восточно-христианская религиозно-философская мысль пришла к пониманию разрешимости проблемы зла, греха и свободы, в контексте аскетической практики и основательно подтвердила необходимость и важность духовно-нравственной жизни человека. Особенно глубоким и интересным является эсхатологическое направление восточно-христианской религиозно-философской мысли, которое в основном коррелируется с пасхальным догматом и ориентировано на осмысление универсальных проблем судеб мира и человека, спасения и гибели, добра и зла.

Abstract. The relevance of the present study is determined by the fact that the problem of evil, sin and freedom, studied in the context of religious and philosophical discourse contributes to a more in-depth analysis of the causes of social and social conflicts, violence, extremism and terrorism. The article considers the sources of the Orthodox patristic theological tradition. The General teaching of Orthodox theologians about the origin of the moral life of man is revealed. **The main aim** is to show the importance and relevance of spiritual and moral issues, the choice of good and evil to deepen the modern philosophical discourse in the direction of prevention of interreligious, social and social conflicts, violence, extremism and terrorism. **Methods.** Historical-philosophical and religious-philosophical analysis, moral-ethical, eschatological approaches to the problem. **Results.** Eastern Christian religious and philosophical thought came to understand the solvability of the problem of evil, sin and freedom in the context of ascetic practice and thoroughly confirmed the need and importance of spiritual and moral life. Especially profound and interesting is the eschatological direction of Eastern Christian religious and philosophical thought, which is mainly correlated with the Easter dogma and is focused on understanding the universal problems of the fate of the world and man, salvation and destruction, good and evil.

Ключевые слова: Грех, зло, свобода, добро, отступничество, духовность, нравственность, жизнь, смерть, спасение, любовь, человек, эсхатология, преображение.

Ключевые слова: Грех, зло, свобода, добро, отступничество, духовность, нравственность, жизнь, смерть, спасение, любовь, человек, эсхатология, преображение.

Святоотеческая интерпретация сущности зла, греха и грехопадения чрезвычайно важна для исследования различных феноменов духовно-нравственной жизни человека, так как существенно помогает понять их первоисток и экзистенцию.

Исходя из библейских оснований, восточно-христианская антропология рассматривает человека как существо духовно поврежденное, подверженное греху, болезням и смерти, вследствие своего злого самоутверждения. При этом изначально отмечаются следующие положения:

1. Иудейское (Агада), мусульманское (Коран) и христианское богословие считают змея воплощением зла и искусителем, позавидовавшим человеку (согласно св. Льву папе Римскому, его

зависти предшествовала гордость); [1] [2, с. 5] [3, с. 175-215] [4, с. 216-278] [5, с. 216-278] [6, с. 4]

2. Он побуждает жену с помощью хитрости и «ложного украшения» усомниться в благости и справедливости творца, внушает ей, что вкушение от древа познания добра и зла может дать – независимо от бога – некую власть над миром;

3. Люди думали обрести мудрость, а увидели, свою наготу, символизирующую человеческую немощь, немощь твари и – в более глубоком смысле – немощь греховного состояния.

Следствием этого является:

1. Проклятие змея, то есть дьявола, как прародителя зла, лишение первых людей близкого общения с Богом, подпадание их под власть смерти;

2. Ослабление телесной природы человека и нарушение гармонического отношения между полами и, следовательно, вообще между людьми;

3. Природа перестает покоряться человеку. Труд теряет свой первоначальный радостный характер, становится тяжким и не приносящим подлинного удовлетворения, а жена подвержена мучительному деторождению.

Главной духовно-нравственной причиной этого стало желание человека стать независимым, как Сам Бог, «знающий добро и зло», а главным последствием – действительное прерывание связи с Источником жизни, отделение от Бога и подчинение власти дьявола, порабощение греху и смерти [7, с. 255-258].

Отцы церкви говорят о грехопадении, как об акте самоопределения свободной воли, разобившей творение с его Творцом (у св. Григория Богослова: «Мы были во власти лукавого, проданные под грех и сластолюбием купившие себе повреждение»). Момент нравственный, личностный, по их общему мнению заключается в непослушании, «в нарушении Божественного порядка». Сама Божественная заповедь, не трудная для исполнения, была призвана указывать воле человеческой путь (смысл жизни), по которому ей нужно было следовать, чтобы достичь главной цели творения – обожения (теозиса), эсхатологический путь отрешения от зла, преображения и спасения. [8, с. 229]

Св. Григорий Нисский особо обращает внимание на физическую сторону греха – «человеческий ум обратился к миру», «отдался течению животной и чувственной жизни, подчинился материальному». [2, с. 74, 87, 93, 97-98]

Важно отметить момент не только становления греховности, но и эсхатологический момент начала ее развития. Пытаясь оправдать себя перед Богом, слагая с себя всю ответственность, прародители отказываются признать происхождение зла в своей воле, отказываются от возможности освободиться от него, подчиняют свою свободу внешней необходимости (св. Симеон Новый Богослов). Их воля ожесточается и закрывается перед Божественной милостью.

Согласно восточно-христианскому святоотеческому учению, «первозданная праведность зиждилась на том, что сотворенный Богом человек, со всеми его силами и способностями души (сердцем, умом, волей) мог быть только природой доброй, направленной к добру», призван «к общению с Богом», «стяжанию не тварной благодати» (св. Григорий Нисский, св. Григорий Богослов).

Согласно учению свт. Григория Нисского, - «Добродетель есть определенный Святым и благим Богом образ внутреннего расположения человека, влекущий его к деланию добра. Добродетели заключают в себе как добрые дела человека, так и доброе расположение его души, из которого происходят сами дела». [2, с. 74, 87, 93, 97-98]

«Дела – это единичные, в этот час и в этом месте действия, а расположения означают

постоянные настроения сердца, коими определяется характер и нрав человека и откуда исходят его наибольшие желания и направления его дел. Добрые из низ называются добродетелями», - поясняет свт. Феофан Затворник (Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Письмо 35; Об этом же: Святитель Григорий Нисский. Об устройении человека. Глава третья. Глава четвертая). [2, с. 34-35]

По свт. Григорию Нисскому, без добра не может быть полноценной деятельности ума: «...когда естество по особой его связности в добром состоянии, тогда и ум бывает действителен, если же оно потерпит какую-то утрату. По мере ее и движение бывает погрешительно». (Об устройении человека. Глава 15.) Мстительность, зависть, лживость, злоумышленность, лицемерие – произражены худым деланием ума. (Там же. Глава 18.) Он решительно отмечает что, - «...порок по природе своей ограничен необходимыми пределами <...> Естество доброт до неисчетности во много крат преизбыточествует перед мерой порока». (Там же. Глава 21.). [2, с. 74, 87, 93, 97-98]

Для того чтобы человеку полноценно осознавать в себе добро и жить в согласии с ним, свт. Григорий определяет, что у него есть различные средства: «сила – это вложенный в нас ум», «помышление – высшая умопредставляемая и творческая сила», «душевность (в душе покоятся превосходнейшие ее силы, - умственная и чувственная деятельность) – управляемая рассудком и размышлением, находящаяся в середине между добродетелью и пороком, возвышающаяся над пороком, но не вполне причастная добродетели», «духовность – имеющая в виду совершенство жития по Богу».

Свт. Григорий согласен с Аристотелем в том, что истинное добро не губит, а кажущееся «губит прикасающегося, делается самым крайним злом». [2, с. 45, 93]

Немесий, епископ Эмесский считал, что - «...главное свойство разумной природы заключается в том, чтобы убегать и отвращаться зла, преследовать и избирать добро». (О природе человека. Глава первая.) Это должно происходить посредством разума: «Через посредство же разума человек соприкасается с бестелесными и разумными существами, когда рассуждает, мыслит и различает все, когда стремится к добродетели и особенно проникается благочестием, в котором венец всех добродетелей». Далее он поясняет: «...кто хочет вести жизнь человека как именно человека, а не только животного, должен стремиться к добродетели и благочестию». Согласно Немесию Эмесскому, - «Душа совмещает в себе добродетель и порок <...> отдельно совмещающая в себе противоположности, есть субстанция и субъект <...> если, например, душе свойственна добродетель, то это не значит, что сама она есть добродетель». (Там же. Глава вторая. О душе.) Человек может быть, - «домом и храмом Божества <...> посредством добродетели и благочестия» и «неразумным животным» (Там же.

Глава первая.) Он видел в этих процессах влияние темперамента (в широком смысле психофизиологическая наследственность) и страстей (происходящих из животной части души; неразумное движение души вследствие ожидания блага или зла, иногда вопреки природе). (Там же. Глава вторая. О душе; Глава шестнадцатая. О неразумной части души, которая называется так же страстной и желательной.) Мыслительной же способности свойственны вообще суждения, убеждения, уклонения (от деятельности) и стремления, в частности – познание действительности, добродетели, науки и основания искусств, способность обсуждения и свободного выбора. (Там же. Глава двенадцатая. О способности мышления). [2, с. 147, 151-152, 161-162, 164, 175, 179, 235, 243-244]

Здесь мы подходим к очень сложному для рационального осмысления утверждению того, что – «добрая воля вошла в разногласие со своим создателем, что могло случиться только в силу ее способности самоопределяться изнутри, вследствие самоопределения, дающего человеку возможность действовать и желать не только сообразно с его естественными склонностями, но так и вопреки его природе, которую он мог извратить, сделать «противоестественной»». То есть трагедия грехопадения есть непосредственное следствие свободного самоопределения человека, который «добровольно захотел повергнуть себя в это состояние» его «извращенной природы отпавшей от Бога». В ней, согласно св. Григорию Нисскому, ум подобен опрокинутому зеркалу, «принимаящему в себя образ бесформенной материи». [7, с. 258-259] Отсюда – только добро истинно существует «как истинное, нормальное состояние бытия», «всегда неизменно пребывает твердым и неподвижным». [6, с. 4]

При этом не свобода, а злое желание использовать эту свободу является греховным.

«... но как могла возникнуть эта греховная черта в высшем разумном духе (согласно св. Иоанну Дамаскину - «самовластно сделавшемуся изобретателем порока»), хорошо знающем себя самого и свои отношения к Богу Творцу, — совершенно непостижимо, а потому и ответа на этот вопрос св. Григорий не дает никакого, да и дать его человеку невозможно. Для нас достаточно знать лишь то, что в свободном падении ангела добро было сознательно отвергнуто и в этом отвержении явилось первое зло, которое распространилось сначала в небесных сферах, а потом проникло на землю, и заразило ядом лжи и отрицания воли Божией первобытных людей» (по слову св. Макария Египетского - «противление явно и тайно овладело нами» (Бес. 21. Гл. 2)). [6, с. 4]

Физический аспект грехопадения по учению восточных отцов, не исключает личностный, нравственный аспект греха, предполагающий ответственность, а значит и возможность воздаяния или наказания. Если человеческая свобода породила некое новое состояние, новый

экзистенциальный модус во зле, то ему необходимо должен быть положен некий предел. Из этих фундаментальных положений произрастает вся дальнейшая восточно-христианская сотериология (от греч. σωτηρια - спасение) и эсхатология (от греческого (εσχατός) - конечный, последний или вершина, бездна, означает рефлексию о конце и целях истории).

Внутренний процесс грехопадения определяется святыми отцами как порождение «худого делания ума» (св. Василий Великий, св. Григорий Богослов), место этого процесса «область ума», а средство и начало его есть всякое «размышление».

При оценке возможностей ума православная антропология использует два критерия:

- направленность ума (то, о чем именно мыслит человек, в каком направлении он думает);
- развитость ума (то, как именно мыслит (как думает) человек).

Именно в данном контексте, св. Григорий Нисский отмечает ключевой апостасийный момент духовно-нравственной жизни человека – свободный отказ от добра. [5, с. 145, 417] [6, с. 4]

Такие возможности есть у человека как у существа, сотворенного по «образу и подобию Божию» (имеющего свой лик, образ, являющегося личностью). Либо человек развивает их (совершенствует ум, укрепляет волю в добре) для богоуподобления (преподобия в православной аскетике) и таким образом становится «похожим на Бога» (приобретает свойства, присущие Ему – благой ум, любовь, желание добра, духовности). Либо он направляет сильную развитость своего ума на совершение злых (в православной аскетике – греховных, ошибочных (греки обозначали понятие греха словом αμαρτία (αμαρτία), означающим «промах, погрешность, провинность»), поступков и даже становится «злым гением». Таким образом, в православной аскетической литературе грех приобретает некое метафизическое универсальное свойство беззакония, то есть один и тот же человек может одновременно обладать очень развитым умом и быть греховным, то есть «духовно неразумным». [5, с. 45, 50]

Исходя из данных положений, восточно-христианское богословие неизбежно обратилось к проблеме возможности зла и греха (природной нравственной возможности грешить), а значит и к феномену свободы. [9, с. 72-74]

В первоначальных попытках объяснения возможности зла и «греховной свободы» важно отметить следующие утверждения православной антропологии.

1. Человек есть полноценная личность, с не ограниченными творческими способностями и возможностями, призванная к духовно-нравственному развитию и совершенствованию (в православной аскетической традиции – обожению, то есть движению человека к богоподобию (теозис, обожение - гр. Θεωσις; от греч. Θεός – Бог)), а не автоматическое существо, подверженное причинной необходимости («Бог – говорит св.

Григорий Богослов, - почтил человека свободою, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чем и вложившему семена онаго»; «Бог вкладывает в человеческую личность возможность любви и, следовательно - отказа (В. Лосский)»; [5, с. 145, 151, 417]

2. Подлинное осуществление этого становится возможным только через свободное, не принудительное упражнение в добродетели (аскетизм; аскéзу (от греч. *ασκεσις* — «упражнение»)), употребление усилия (подвиг – в православной духовной аскетической традиции), преодоление зла и борьбу с ним;

3. Это духовно-нравственное напряжение имеет глубокий личностный и вселенский эсхатологический аспект «соучастия в деле Божьем», устремлено в будущее, ориентировано на идеал общества, истинное Добро, Абсолютное Благо, то есть Благодатное Царствие Божие («Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33)), как конечную цель «домостроительства спасения» всего творения (Еф. 3, 9);

3. Свобода во зле и сами глубины метафизики зла есть величайшая тайна, рационально не постижимая, открывающаяся человеку в определенную меру его духовного развития.

4. Согласно библейскому и святоотеческому учению, грех это состояние или, - по слову архим. Киприана (Керна) - содержание души (есть ложь и лжецы, грех и грешники), в котором люди могут быть «исполнены» или «подвластны» греху (например, лицемерию и беззаконию (Мф. 23, 28)). Он не имеет субстанции и не имеет независимого состояния, он как бы не существует (в том смысле как, например, существует любовь и справедливость) – в этом вся ускользающая сложность его понимания. Он существует только как паразит добра и всего доброго. [10]

Концепты и сигнификаты проистекающие из данных системных подходов полностью определяют православную сотериологию и эсхатологию, ее положительные и отрицательные характеристики, терминологический аппарат. [11]

Согласно нему человек эдемский, райский, первозданный называется человеком греховным, падшим, ветхим, плотским, прельщенным (развращенным или впадшим в прелесть (авва Дорофей, преп. Иоанн Лествичник, преп. Ефрем Сирий)). Прародительский грех раскрывается как совокупность страстей (например, у св. Григория Двоеслова – чревоугодия, тщеславия и гордости). Блаж. Августин называет – поругание святыни (так как человек не поверил Богу, а поверил дьяволу), человекоубийство (потому что повергнул себя смерти), духовное прелюбодеяние (потому что была погублена не порочность души), воровство (потому что человек воспользовался запрещенным), алчность (потому что домогался большего, чем было необходимо). [12, с. 33]

В общем и целом это состояние характеризуется как богоотступничество (апостасия), которое вначале совершилось в душе

(по слову св. Афанасия Великого через «впадение в порочные замыслы»), а затем и на деле.

Выражаясь философским языком, можно сказать, что оно подразумевает утрату духовной опоры, ориентиров или целей. Означает разрушение взаимоотношений или восстание и испорченность. Указывает на ошибку и заблуждение. Обозначает безбожие, несправедливость и беззаконие (непослушание, нечестивость (не праведность), неверие (безверие), измена, тьма в противоположность свету, верности, праведности), вред или притеснения (По словам Дориани, это – «только антитезис, только отрицание, <...> отсутствие, а не присутствие, отказ выслушать, равнодушие к чужим бедам, отчуждение вместо взаимоотношений»). [13]

Важнейшим для нашего исследования аспектом греха является то, что насколько он негативен, настолько он стремится маскироваться под добро. Будучи негативным и иррациональным, грех обладает силой и могуществом, подкрадывается к первым людям, готовясь поглотить их (Быт. 4, 7), приступает к Иисусу Христу (Мф. 4, 1-11), вынуждает делать злое, которое человек не хочет делать (Рим. 7, 14-20), приводит в действие – и сам приводится ими в действие – силы метафизического и общественного зла.

При этом он вступает в действие под маской стремления к чему-либо хорошему и полезному, а в дальнейшем прельщает человека вещами, которые сами по себе хороши и желанны. По словам св. Симеона Нового Богослова оно «будучи врагом принимает вид друга и, будучи тьмою представляется светом» (Слово тринадцатое). Отсюда происходят – лживость и лицемерие. У свт. Василия Великого читаем: «Не видишь ли какое зло лицемерие? И оно – плод зависти, потому что двоедушные нрава бывает в людях по большей части от зависти, когда, скрывая в глубине ненависть, показывают наружность, преукрашенную любовью, и подобна подводным скалам». Этим «причиняют неосторожным непредвиденное зло». [14, с. 225]

Трагедия греха усугубляется тремя моментами:

1. Грех захватывает все существо человека, помрачает его разум, делает его сердце «испорченным» (Пс. 5, 7; Иер. 17, 9; Рим. 8, 7; св. Ефрем Сирий, св. Макарий Египетский, прп. Исаак Сирий);

2. Зло поселяется в сердце человека и его замечательные способности думать, предвидеть, убеждать и обучать других обращаются на то, чтобы беззаконие сделалось умнее и могущественнее;

3. Грех само утверждается гордыней, способен сопротивляться Самому Творцу, Его добру, Его спасению, предлагая вместо него свое лживое, поддельное добро, спасение (2 Фес. 2.2-4), красоту.

Психологически состояние греховности, согласно православной библейской и

святоотеческой антропологии, можно охарактеризовать как:

1. Появление закона тления и смерти со всеми его последствиями, действующего во всех формах существования материальных объектов вселенной, в том числе и в теле человека.

2. Способность подвергаться незаметному для самого человека суггестивно-телепатическому воздействию зла и его носителей на сознание, а также прямому сенсорному воздействию на высшие регуляторные системы головного мозга, а через него на многие физиологические функции организма.

3. Расслабление человеческой воли (ее частичная парализация) и, как следствие, удобопреклонность ко злу.

4. Неспособность по-прежнему любить Бога, все Его творение и, в первую очередь, человека, поскольку любовь есть высший дар Святого Духа, в значительной мере утерянный человеком за грех.

5. Появление таких душевных состояний, как печаль, уныние, отчаяние, злоба, страх, неудовлетворенность жизнью, ощущение бесцельности, пустоты, безрадостности бытия, которые были абсолютно невозможны в то время, когда человек находился в полноте Божественной благодати.

Не смотря на это, святые отцы единодушно утверждают непостоянство, изменимость, сокрушимость и конечную обреченность зла и греха на исчезновение и упразднение, их неизбежную обратимость в конечное благо. Восточно-христианская аскетическая письменность так же обращает наше внимание на то, что осознанный грех приносит пользу, являясь неким стимулятором к раскаянию и упражнению в добродетели. (ап. Павел, св. Пимен Великий)

Св. Григорий Богослов пишет об относительности и непостоянстве зла следующее: «Веруй, что зло не имеет ни особой сущности, ни царства, что оно ни безначально, ни самобытно, ниже сотворено Богом, но есть наше дело и дело лукавого, и привзошло в нас от нашего нерадения. А не от Творца» (Слово 40). [15, с.695] По рассуждению свт. Григория Нисского, нужно исходить из понимания зла как чего-то несамостоятельного. Он утверждал, что зло слабее добра: оно изменчиво, а добро неизменно; оно конечно, а добро бесконечно, ибо добро как таковое есть, Сам Бог. Поэтому когда-то наступит необходимый конец зла, и оно совершенно исчезнет. [16, с. 75-76, 228]

Выводы:

– согласно православной традиции, из проблемы происхождения зла, греха и свободы непосредственно происходит проблема отступничества от бога, добра, подлинной человечности;

- происхождение зла, греха, из трагедии духовного мира стало трагедией первых людей, затем переросло в трагедию всего социума, и наконец, стало универсальной эсхатологической

проблемой судеб всего мира и человека, добра и зла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архим. Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. Париж: YMCA-Press, 1950. URL:

<http://mystudies.narod.ru/library/k/kern/antropol/index.htm> (дата обращения: 30.01.2019).

2. О человеке. Сборник трактатов. «Внемли себе». СПб., 2011. – 352 с.

3. Иннокентий (Борисов) архиеп. Введение в нравственное богословие // Его же. Сочинения. Т. 10. – СПб. - М., 1875. URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Innokentij-Borisov/vvedenie.html> (дата обращения: 25.01.2019).

4. Нравственная антропология // Его же. Сочинения. Т. 10. – СПб. - М., 1875, с. 216-278. URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Innokentij-Borisov/nravstvennaya-antropologiya.html> (дата обращения: 05.01.2019).

5. Добросельский П. В. О происхождении человека, первородном грехе и искусственном зарождении. Очерки православной антропологии. Москва, 2008. – 491 с.

6. Несмелов В. Догматическая система святого Григория Нисского. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Nesmelov_Viktor/dogmatic-heskaja-sistema-svjatogo-grigorija-nisskogo/4_4 (дата обращения: 25.01.2019).

7. Настольная книга священнослужителя. Том 8. Пастырское богословие. Москва, 1988. – 800 с.

8. Лосский В. Н. Боговидение. Очерк мистического богословия восточной церкви. Глава VII. Домостроительство Сына. – М. : АСТ, 2006. – 759 с.

9. Бердяев Н. О назначении человека. Часть первая. НАЧАЛА. Глава II. Происхождение добра и зла. – М.: Астрель: Полиграфиздат, 2010.

10. Киприан (Керн), архимандрит, профессор. Православное пастырское служение. Гл. О грехе вообще. URL: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/1198> (дата обращения: 05.01.2019).

11. Макарий (Оксинок), митр. Эсхатология святого Григория Нисского. Киев, 2006. – 614 с.

12. Воронов Л., протоиерей, доктор богословия, профессор. Догматическое богословие. – Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. – 345 с.

13. Евангельский словарь библейского богословия. URL: <http://christian-culture.info/index.php?n=2&article=05> (дата обращения: 05.01.2019).

14. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого. Избранное. О зависти. – Минск : Харвест. 2003.

15. Григорий Богослов. Творения. Т. I. Слово 40. На Святое Крещение.

16. Флоровский Г, прот. Восточные отцы Церкви. М., 2003. - 637 с.

17. Walls J.L. The Oxford Handbook of Eschatology. – Oxford University Press, 2007. - 744 p.

18. Langston D. Medieval Theories of Conscience // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2015/entries/conscience-medieval/> (дата обращения: 05.01.2019).

19. Parry R. Ancient Ethical Theory // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/ethics-ancient/> (дата обращения: 05.01.2019).

20. Eternity. Substantive version Thu Feb 4, 2010. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/entries/eternity/> (дата обращения: 05.01.2019).

REFERENCES

1. Archias. Cyprian (Kern). Anthropology of St. Gregory Palamas. Paris: YMCA-Press, 1950. URL: <http://mystudies.narod.ru/library/k/kern/antropol/index.htm> (date accessed: 30.01.2019).

2. About the person. Collection of treatises. "Listen to yourself." SPb., 2011. – 352 p.

3. Innocent (Borisov), Archbishop Gabriel. Introduction to moral theology. Compositions. Vol. 10. – SPb. - M., 1875. URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Innokentij-Borisov/vvedenie.html> (date accessed: 25.01.2019).

4. Moral anthropology. Compositions. Vol. 10. – SPb. M., 1875, pp. 216-278. URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Innokentij-Borisov/nravstvennaya-antropologiya.html> (date accessed: 05.01.2019).

5. Dobroselsky P. V. On the origin of man, original sin and artificial birth. Essays of Orthodox anthropology. Moscow, 2008. – 491 p.

6. Nesmelov V. Dogmatic system of St. Gregory of Nyssa. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Nesmelov_Viktor/dogmatic-heskaja-sistema-svjatogo-grigorija-nisskogo/4_4 (date accessed: 25.01.2019).

7. Handbook of the priest. Volume 8. Pastoral theology. Moscow, 1988. – 800 p.

8. Lossky V. N. Divinity. Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Chapter VII. Son's House-Building. – M.: AST, 2006. – 759 p.

9. Berdyaev N. The destiny of man. Part one. BEGINNINGS. Chapter II. The origin of good and evil. – M.: Astrel: Polygraph, 2010.

10. Cyprian (Kern), Archimandrite, Professor. Orthodox pastoral Ministry. GL. About sin at all. URL: <http://www.klikovo.ru/db/book/msg/1198> (date accessed: 05.01.2019).

11. Macarius (Oksiyuk), miter. Eschatology of St. Gregory of Nyssa. Kiev, 2006. – 614 p

12. Voronov L., Archpriest, doctor of theology, Professor. Dogmatic theology. – Klin: Christian life Foundation, 2002. – 345 p.

13. Evangelical dictionary of biblical theology. URL: <http://christian-culture.info/index.php?n=2&article=05> (date accessed: 05.01.2019).

14. The creations of others in the saints of our father Basil the Great. Favourites. About envy. – Minsk : Harvest. 200

15. St. Gregory The Theologian. Creations. T. I. Word 40. At Holy Baptism.

16. G Florovsky, FR. Eastern fathers of the Church. M., 2003. - 637 p.

17. Walls J.L. The Oxford Handbook of Eschatology. – Oxford University Press, 2007. - 744 p.

18. Langston D. Medieval Theories of Conscience // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2015/entries/conscience-medieval/> (дата обращения: 05.01.2019).

19. Parry R. Ancient Ethical Theory // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2014/entries/ethics-ancient/> (дата обращения: 05.01.2019).

Вишев И.В.

*Доктор философских наук,
профессор Южно-Уральский государственный университет,
кафедра философии
(Россия, Челябинск)*

УСТРАНИТЬ ЕСТЕСТВЕННОЕ СТАРЕНИЕ И ФАТАЛЬНОСТЬ СМЕРТИ ИЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Аннотация. Старение и смерть изначально были осознаны людьми как несомненно негативные явления в их бытии. В то же время у них родилась мечта о сохранении молодости и беспредельности жизни. Человеческая история представляет собой процесс расширения сферы свободы, чему существует множество убедительных свидетельств. Но до сих пор люди остаются несвободными перед лицом естественного старения и фатальности смерти. Поэтому свойствами молодости и бессмертия наделяются лишь сверхъестественные силы, тогда как сами люди обрекаются на увядание и трагический финал своего индивидуального существования. Такое положение вещей сохранялось на протяжении многих тысячелетий. Современная наука всё шире и глубже обсуждает тему устранения этих отрицательных явлений из человеческого бытия. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы внести посильный вклад в обсуждение этой насущной и актуальной темы, предложить ряд более адекватных понятий, сделать принципиально значимые уточнения. Это, в частности, касается оценки современной эмпирической базы и её теоретического осмысления. Так в наше время, наряду с использованием традиционных ювенологических приёмов, на передний план выходят такие направления, как реальная возможность клонирования млекопитающих, а значит, и человека, пересадка его головы и применение других методик. Такой подход осуществляется в контексте иммортологии — науки о бессмертии, или иначе —

разрабатываемой концепции практического бессмертия человека и его реального воскрешения. Тем самым такой подход призван способствовать дальнейшему исследованию рассматриваемой проблемы и её решению. Для методологии исследования характерно, прежде всего, применение принципа историзма и сравнения различных мировоззренческих позиций, диалектической взаимосвязи анализа и синтеза, принципа развития и детерминации, ряда футурологических приёмов, методов и методик специальных дисциплин.

Ключевые слова: история как расширение сферы человеческой свободы; несвобода человека перед лицом старения и смерти; свобода выбора между старостью и молодостью, жизнью, смертью и бессмертием; реальная возможность клонирования человека; проекты пересадки головы человека; практическое, относительное, бессмертие; восстановление человеческой жизни, ювенология, иммортология.

1. Введение

История человечества представляет собой процесс расширения сферы свободы. Это означает в то же время, что в ходе развития человеческого общества, постоянно происходит устранение несвободы людей в различных областях их познавательной и практической деятельности. Действительно, сегодня человек знает и может сделать то, чего не знал и не мог сделать ещё вчера, не говоря уже о более отдаленном прошлом.

Этот процесс обычно реализуется в виде возникновения той или иной мечты и её осуществления. Поначалу она витает в пределах мифологического и религиозного мировоззрения, в которых проблемы решаются посредством воображения, и только много позже осмысливается философски, а ещё немало времени спустя опредмечивается естественнонаучными и технико-технологическими средствами. Так было с мечтой об отдалённом видео- и аудиообщении, способностью человека летать, долго находиться под водой и о многом другом.

К их числу принадлежала мечта о том, чтобы не стареть, оставаться молодыми, и вместе с тем о долгой, даже беспредельной жизни, т.е. мечта о бессмертии.

Такого рода устремления эволюционировали через всю историю в различных типах мировоззрений — мифологического, религиозного и философского. В ней выявляется тенденция смены первоначально пессимистических представлений оптимистическими, причём она присуща как сугубо мировоззренческим, так и научной картине мира (В. Астахова, 1970; Дж. Бернал, 1969; Г. Бердышев, 1986; И. Вишев, 1988).

2. Эволюция представлений о смерти и бессмертии

2.1. Необходимость единства молодости и бессмертия

Уже в древности люди осознали необходимость сочетания таких качеств, как молодость и бессмертие. Примерами могут служить шумеро-вавилонский эпос о Гильгамеше, древнегреческий миф о любви богини утренней зари Эос и земного мужа Титона, «Илиада» и «Одиссея» Гомера и многие другие. Молодость и бессмертие, взятые сами по себе, в отрыве друг от друга, утрачивают свой истинный смысл и подлинную ценность. Именно их обособленное рассмотрение является одним из главных доводов против победы над старением и смертью, а значит,

в конечном счёте, достижения реального личного бессмертия. Как ни горько, в отличие от осуществления многих других чаяний, печальной реальностью для человека до сих пор остается неосуществлённость мечты о сохранении молодости и достижении бессмертия, его несвобода перед лицом старения и смерти. Тем не менее, для современной науки настало время распространить сферу свободы на область и этих явлений, бросить осознанный и целеустремлённый вызов старости и смерти, чтобы, в конечном счете, безусловно, исключить их из человеческого бытия. Для достижения этой заветной цели, несомненно, сейчас сложились многие теоретические и практические предпосылки. Поэтому наше время с достаточным основанием можно назвать временем оптимизма, ибо только теперь такой вызов стал реальным и обоснованным.

2.2. Главные факторы последовательно счастливой и достойной жизни

При этом непременно надо иметь в виду, что для счастья человека, совершенно очевидно, недостаточно обладания даже такими желанными и ценнейшими свойствами, как молодость и бессмертие. В самом деле, нетрудно представить человека, сохранившим молодость и достигшим бессмертия, которого, тем не менее, нельзя будет назвать счастливым, если он, например, остается хронически больным. Следовательно, счастливый человек должен обладать еще и крепким здоровьем. Недаром утверждают, что без здоровья нет и счастья.

Однако и данного условия тоже может оказаться недостаточно для достижения счастливой жизни, поскольку человек, скажем, может находиться в той или иной форме социальной зависимости, тем более порабощения (рабство, крепостническая неволя, жизнь в тоталитарном государстве). Значит, он должен, кроме прочего, быть свободным и жить в достойных социальных условиях.

2.3. Вывод

Таким образом, приведённые составляющие заветной мечты людей, как обладание крепким здоровьем, сохранение молодости, достижение реального личного бессмертия и жизнь в благоприятных общественных отношениях, органично связаны между собой, дополняют друг друга, в противном случае утрачивают свой подлинный смысл и ценность. Разумеется, нужно будет решить и немало других животрепещущих

проблем, но, судя по всему, перечисленные являются ключевыми.

3. Мировоззрение, альтернативное мифологическому и религиозному

3.1. Первоначальная противоречивость и непоследовательность альтернативности научного мировоззрения

Первым типом мировоззрения, альтернативным мифологическому и религиозному, стало научное мировоззрение. Его существенным компонентом является адекватная философская рефлексия. Эта альтернативность поначалу была противоречивой и непоследовательной. Её особенность, прежде всего, состояла в том, что, с одной стороны, не принимая лишь воображаемое осуществление мечты, с другой, — оно само длительное время не могло предложить ничего иного, кроме аллегорического понимания бессмертия — в достойных делах, потомках и их памяти.

Главным, и при том существеннейшим недостатком этого мировоззрения было принципиальное отрицание возможности достижения реального личного бессмертия, поскольку естествознание, на которое оно преимущественно опиралось, не давало для этого никаких оснований и даже для отдалённых перспектив. Иными словами, определяющей причиной такого положения вещей являлась неспособность, прежде всего, естественных наук предложить действенные пути и средства обеспечения заветной цели людей — устранить старость и смерть из своего бытия. Но это было только делом времени, хотя и очень длительного. Для этого должны были пройти многие столетия и даже тысячелетия.

3.2. От смертнической парадигмы к парадигме бессмертнической

Всё когда-то начинается и когда-то заканчивается. Именно наше время стало началом эры цивилизации нестареющих и бессмертных людей.

Только современный научно-технический и социальный прогресс достиг тех вершин, когда на смену смертнической парадигме, исходящей из неизбежности старения и смерти, всё более уверенно приходит парадигма бессмертническая. Она представляет собой принципиально новый образец идей и действий, который концентрированно выражен в признании реальной возможности решить проблему устранения старости и смерти людей из их истории с научно-оптимистических позиций.

3.3. Вывод

Тем самым, кардинальная задача в наше время сводится к тому, чтобы сохранить молодость человека, точнее — оптимальные параметры его телесной и духовной жизнедеятельности, и достичь реального личного бессмертия.

4. Ювенологический и иммортологический подходы

4.1. Сущность и цель ювенологии и иммортологии

Наиболее полно и последовательно эти задачи поставлены и решаются ювенологией (лат. *juvenis* — молодой) — наукой о способах сохранения и возвращения молодости [4] и иммортологией (лат. *im* — без, *mors, mortis* — смерть) — наукой о бессмертии [5], или, иначе — в контексте разрабатываемой концепции практического бессмертия человека и его реального воскрешения [6] [и др.].

4.2. От общественных форм научных исследований к его институциональным формам

Был организован Общественный институт ювенологии [7], который развернул посильную для него работу. Однако было очевидно, что на общественных началах столь сложную и трудную задачу решить невозможно. Было выдвинуто предложение создать Научный ювенологический центр [8], но оно не было поддержано и реализовано. Иммортология пока что не имеет специальных организационных структур, но наличие мировой сети позволяет решать многие вопросы такого рода в современных специфических формах.

4.3. Абсолютный и относительный смысл бессмертия. Практическое бессмертие

Принципиальное значение имеет понимание бессмертия. Обычно оно воспринимается и трактуется в абсолютном смысле как состояние, исключающее смерть, вроде «бессмертия души», что невозможно с научной точки зрения. Поэтому более адекватным представляется понятие «практического, относительного, бессмертия человека». Под ним понимается принципиально достижимая способность человека, оставаясь молодым, жить неограниченно долго, без каких-либо видовых границ, настолько долго, чтобы можно было констатировать — человек стал практически бессмертным.

Относительность бессмертия в этом смысле заключается в том, что оно принципиально не исключает возможность смерти от тех или иных внешних причин (травма, неизвестная болезнь, сбой в метаболизме и т.п.). В этом случае предполагается обретение возможности восстановления человеческой жизни, реального воскрешения человека вместе со способностью беспредельной жизни [9]. Но главной была и остаётся задача, чтобы человек жил, не умирая.

Следует ещё раз подчеркнуть, положение принципиальной значимости, что устраняется не смерть вообще, любая смерть, это в прицепе невозможно, а её нынешняя фатальность и безысходность. Иначе говоря, смерть может постигнуть человека, но он станет способным восстановить свою жизнь и тем самым в итоге победить смерть.

4.4. Важнейшие естественнонаучные предпосылки достижения практического бессмертия человека

Для решения данного круга проблем сегодня открываются эффективные пути и средства. Решение проблемы сохранения молодости и

достижения реального личного бессмертия стало теперь ускоренно переходить из её преимущественно натурфилософского рассмотрения в практическую плоскость. Можно утверждать, что именно за последние полтора–два десятка лет произошёл буквально «взрыв» открытий в данной области научных исследований. Наиболее значимым среди них, безусловно, стало клонирование млекопитающих, которое дало уже немало замечательных подтверждений, а значит, и реальной возможности клонирования человека. Оно позволяет не только получить необходимые «запчасти» организма «родные по плоти», биологически не отторгаемые, чему тоже уже есть немало подтверждений, но и как раз восстановить временно утраченную человеком жизнь.

Предваряющим и сопровождающим способом решения этой задачи может и должно стать криосохранение всего организма человека или его мозга. Такой приём связан с представлением о возможности криоконсервирования когнитивных и вообще психических свойств личности с целью их восстановления посредством клонирования. Она, вполне вероятно, может быть достигнута и методом «компьютерного бессмертия», который позволил бы записать информацию о психической деятельности индивида, сохранить её на иных материальных носителях, а затем вернуть клонируемой, воскрешаемой, (и физически, и психически) личности. В таком случае можно будет ограничиться криосохранением и последующим клонированием даже отдельной клетки, содержащей генетическую программу жизнедеятельности данного индивида.

Нередко возражают против подобной возможности ссылкой на то, что восстановленная посредством клонирования жизнь становится короче, в частности вследствие лимита Л. Хейфлика, и т.п. Однако на этот довод можно возразить тем соображением, что клетка для клонирования может быть взята у младенца заранее, уже однажды давшей ему жизнь, и тогда он сможет снова прожить её практически с самого начала.

Современные высокие технологии расширяют горизонты и на многих других направлениях решения проблемы устранения естественного старения и фатальности смерти из человеческого бытия. Одним из них стало создание молекулярных роботов, или нанороботов, которые обретут способность «ремонттировать» разного рода нарушения внутри клетки, а в итоге всего органа и даже организма в целом. Наряду с другими проблемами, ей большое внимание уделил известный американский изобретатель и футуролог Рэймонд Курцвейл (Raymond Kurzweil). В этой связи он подчёркивает, что нанороботы, в конечном итоге, смогут отремонтировать и заменить любую часть тела, которая изнашивается. Но при этом следует использовать и другие методики, которые разрабатываются в результате развития медицинской науки и практики, чтобы продлить человеческую жизнь достаточно долго, и достичь

сингулярности [10]. По этим многочисленным направлениям проводятся исследования в различных странах профессионально подготовленными учёными [11]. Эти открывающиеся возможности вдохновляют на дальнейший научный поиск в данной области исследований.

Принципиально важно вместе с тем не упустить из виду то обстоятельство, что главной остаётся задача добиться практического бессмертия человека, т.е. неограниченно долгой его жизни и не утрачивать этой способности. Иначе говоря, чтобы человек жил, не умирая, а если это и произойдет, чтобы такое состояние оказалось сугубо временным.

4.5. Главные идеологические препоны на пути достижения практического бессмертия человека

Однако мало того, что возможности этого метода не используются должным образом, его применение, по существу, фактически запрещено. Действительно, 8 марта 2005 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, направленную против клонирования человека, во всяком случае, ею руководствуются именно в этом смысле, хотя, по существу дела, такое толкование, строго говоря, неправомерно. Тем не менее, к крайнему сожалению и огорчению, даже ещё раньше упомянутой Декларации, в России сначала был принят 5-летний мораторий на такого рода исследования, а через два с половиной года после его окончания, 10 марта 2010 года Госдума РФ продлила этот мораторий, но уже, по сути дела, на неопределённый срок. Правда, отрадно то, что и в ООН, и в Госдуме за эти решения голосовали далеко не все страны и депутаты, однако эти запреты представляют собой очень серьёзный тормоз в решении данной проблемы, а ведь речь идёт о жизни и смерти людей.

Более того, подобного рода запреты прямо ограничивают развитие науки, а это всегда чревато серьёзными негативными последствиями, в том числе опасными для жизни людей нелегальными злоупотреблениями, и потому они принципиально недопустимы. В любом случае исследования по клонированию человека, несомненно, должны осуществляться под жёстким контролем со стороны общественности и научного сообщества. Нельзя не принимать во внимание, что отменить запретительные решения оказывается делом чрезвычайно трудным и сложным. Если же эти решения останутся в силе на долгое время, то обстоятельства могут сложиться так, что за здоровьем, молодостью и бессмертием россиянам придётся обращаться в другие страны.

4.6. Другие предпосылки достижения практического бессмертия человека

Кроме реальной возможности клонирования человека, можно напомнить о таких открытиях последнего времени, как расшифровка его генома, регенерация стволовых и индуцирование плюрипотентных клеток, успехи протеоники, трансплантологии, крионики, нанотехнологии,

синбиологии, «компьютерного бессмертия», а теперь и пересадки головы млекопитающих, что открывает такую же перспективу для человека, и многих других научных направлений. Все они вносят свой существенный вклад в решение рассматриваемой проблемы.

4.7. Вывод

Следует постоянно помнить, что упомянутые достижения отнюдь не являются последним словом науки в данной области исследований. Без сомнения, они и впредь будут столь же неуклонно преумножаться.

5. Проблема пересадки головы человека

5.1. Предыстория пересадки головы

Наглядной и убедительной иллюстрацией научному прогрессу в сфере устранения старения и трагического финала человеческой жизни является поставленная на повестку дня научных исследований уже упоминавшаяся проблема пересадки головы. Она, естественно, вызывает воспоминания о её предыстории, ибо эксперименты такого рода проводились и раньше. Например, Владимир Демихов, один из основоположников мировой трансплантологии, еще в середине 50-х годов прошлого столетия приживил собаке вторую голову. Теперь нам остается только сожалеть, что этот опыт не получил в СССР дальнейшего развития, иначе мы сейчас, несомненно, находились бы на более высоком уровне решения этих проблем.

В конце 70-х на этом пути был сделан и такой важный шаг — американский учёный Ричард Уайт пересадил голову обезьяне, правда, с очень ограниченным эффектом. Проводились и другие подобные эксперименты [12]. Приходится и в данном случае сожалеть, по той же причине, что столь дерзновенный эксперимент, как и другие, не получил должного признания и дальнейшего развития. Но прогресс науки в этом направлении неуклонно продолжался, несмотря на объективные трудности и различные субъективные препоны.

5.2. Проекты итальянских и китайских учёных по продлению и восстановлению жизни

В самое последнее время, уже в наши дни, решение этой проблемы вышло на принципиально новый уровень, опираясь на неведомые ранее успехи высоких технологий. В 2015 году итальянский профессор Серджио Канаверо (Sergio Canavero) объявил о проекте под названием HEAVEN / ANBR. Первоначально в его рамках планировалось совершить первую в мире операцию по пересадке головы человека в Москве, поскольку первым претендентом на неё стал проживающий в городе Владимир программист Валерий Спиридонов, тело которого поражено тяжёлым и неизлечимым недугом, к тому же грозящим близкой смертью. Неудивительно, что он согласился участвовать в проекте Канаверо — пересадить свою голову на здоровое донорское тело.

Примечательно, что операции такого рода открывают новые многообещающие перспективы, в том числе в связи с использованием метода

клонирования, на который так бездумно и безответственно накладывается вето. Профессор Канаверо не без основания считает, что

«скоро нам уже не нужен будет донор, потому что успехи биологов в клонировании дадут нам собственные новые тела, которые унаследуют наш старый мозг. Нет сомнений, что это произойдёт в нашем веке, и мы будем свидетелями. И тогда возникнет вопрос: Что обществу делать с этой технологией бессмертия?» [13].

Действительно, так бывает всегда, поскольку в процессе научного познания решение одних проблем порождает необходимость решать вновь возникающие. Но в данном случае такие вопросы решать будет, несомненно, и интереснее, и радостнее, ибо речь идёт об осуществлении заветной мечты людей — обретении реального личного бессмертия.

Как ни печально, в адрес Канаверо нередко раздавались и продолжают раздаваться упреки в недостаточной подготовленности осуществления его проекта, авантюризме и прочих «смертных грехах». Однако операция еще не сделана и до осуществления проекта пока достаточно далеко, так как она была изначально намечена на декабрь 2017 года. Поэтому спешить с такими обвинениями явно преждевременно и потому не следует. Более того, ситуация в этом отношении существенно изменилась, поскольку стало известно, что китайский учёный, трансплантолог и нейрохирург, Жэнь Сяопин (Xiao-Ping Ren) из Харбинского медицинского университета вместе со своими коллегами уже осуществил пересадку головы более тысячи мышам. И вполне логично, что Канаверо не замедлил установить с ним творческое сотрудничество, приехав в Китай. Теперь они сообща разрабатывают творческие проекты в данной области научных исследований.

Показательны те причины, которые побудили Жэнь Сяопина, проработавшего многие годы в США, в 2012 году вернуться на родину.

«Во-первых, я понимал, — заметил он, — что в США сложно будет получить разрешение на исследования по пересадке головы от комиссии по медицинской этике» [14]. А затем добавил: «Я прекрасно помню, какая волна общественной критики обрушилась на нас после операции по трансплантации руки, а затем и лица. А голова — это особый случай. Значит, неизбежно возникнут проблемы с финансированием» [14].

И действительно, в Китае учёному предложили грант в 1,6 миллиона долларов, да и получить приматов для пересадки головы, как он и рассчитывал, там оказалось несравненно легче. Поэтому запланировать такой эксперимент и провести его в ближайшее время он мог с полным основанием.

Именно так всё и произошло. 19-го января 2016 года на сайте газета.ru было опубликовано интервью с Серджио Канаверо. Он заявил о том, что ему и китайскому учёному удалось доказать реальную возможность соединения спинного мозга со стволом головного после их разъединения.

Итальянский хирург утверждает, что разработанная им методика «склеивания» клеток при помощи полиэтиленгликоля продемонстрировала свою эффективность в ряде предварительных экспериментов.

Подтверждая слова итальянского коллеги, Жэнь Сяопин, заявил, что работоспособность головного мозга сохраняется при пересадке головы с одного тела на другое [15]. Операция по пересадке головы проводилась на этот раз именно примату. Она оказалась весьма успешной — обезьяна прожила после операции около 20 часов, после чего учёные её усыпили. Как они объяснили, «не желая причинять излишних страданий» [16]. Иными словами, сегодня итальянский и китайский хирурги доказали — пересадка головы и "склеивание" головного и спинного мозга возможны, причём очевидно, не только обезьяне, но и человеку, хотя, разумеется, на этом пути придётся разрешить ещё немало сложнейших и труднейших проблем. Но в связи с этим, и не только, вопросов остается ещё немало. Однако есть все основания надеяться, что ответы и на них тоже будут получены.

Сегодня справедливо говорят: «Китай становится настоящей Меккой для учёных» [16]. Действительно, ещё одним свидетельством этому стало недавнее сообщение о том, что в Поднебесной принят на криосохранение первый пациент. Принимая во внимание экономическую и финансовую мощь этой страны, можно не сомневаться в том, что вскоре она займёт ведущие позиции и в этой области. Так что и в данном отношении Китай заявил о себе как об одном из мировых лидеров.

Со времени упомянутой операции на примате прошло более полутора лет, но никаких значительных событий в этой области пока, похоже, не произошло. Это, судя по всему, является ещё одним подтверждением серьёзности и ответственности подхода учёных к решению сложнейшей и труднейшей проблемы пересадки головы. Изменилась ситуация и в том отношении, что пересадка головы человека скорее всего произойдёт не в России, а в Китае, где эти идеи получили поддержку и финансирование, да и уже налажены творческие контакты с учёными этой страны. Так что, весьма вероятно, первым человеком, которому будет пересажена голова, тоже станет китаец.

Валерий Спиридонов отнёсся к подобным переменам стоически, с пониманием изменившейся ситуации и оптимистической уверенностью в будущем. Он намерен и впредь активно заниматься научной деятельностью, участвовать в работе различных конференций и развивать свой бизнес. Валерий Спиридонов заявил: «Планы на будущее у меня самые радужные. Буду заниматься любимым делом, семьей» [17]. Теперь все мы будем с надеждой и, понятно, с нетерпением ожидать хороших вестей из Китая об успешной операции по пересадке головы человека и, возможно, других стран, в том числе России.

Реальная возможность модификации человека, особенно в связи с пересадкой его головы, обострила проблему идентичности человеческой личности. Итальянский исследователь, доктор Джулиано Мори (Giuliano Mori) формулирует её следующим образом:

«Критерий личной идентичности явно ставится под сомнение проектом по пересадке головы человека. Является ли личность обеспеченной только психологической преемственностью или зависит от телесной целостности? (The criterion of personal identity is clearly called into question by the project to perform a human head transplant. Is identity provided by psychological continuity alone, or does it depend on bodily continuity as well?)» [18].

Не вдаваясь здесь в дискуссию по данному поводу, следует, тем не менее, высказать суждение о том, что человек, которому, например, возвращено зрение, хотя в нём, несомненно, и произойдут определённые перемены, всё-таки останется, по существу, той же самой личностью, но станет более целостной и счастливой.

Намного конкретнее, но тем более значимой, стала задача соединения головного и спинного мозга. Её решению уделяется особое внимание на протяжении многих лет, но, естественно, с самого последнего времени. Трудностям и сложностям в этой области исследований, а также путям и средствам их устранения значительное место отведено в статьях Серджио Канаверо, Жэнь Сяопина и их коллег [19]. Проводимые исследования являются залогом того, что данный круг вопросов, в конечном счёте, так или иначе, будет решен. Более того, успехи в этой области, судя по всему, будут способствовать решению и других задач, скажем, соединению донорского глаза, и даже искусственного, со зрительным нервом человеческого мозга, то же самое можно сказать и в отношении становления других насущных взаимосвязей.

5.3. Вывод

В настоящее время к решению проблемы устранения естественного старения и фатальности смерти из бытия людей привлекается и вовлекается всё большее количество сторонников и исследователей, причём в самых различных и своеобразных организационных формах. Свидетельством этому может служить создание особых национальных партий продления жизни и международного альянса, который их объединяет. Тому же служат и различные научные фонды, которые стремятся проводить частные и эффективные исследования, направленные на противодействие тем или иным специфическим заболеваниям с конечной целью достижения реального личного бессмертия [20; 21]. Положительная динамика достижений в этой области подтверждается, в частности, успехами, представленными на сайте «Нестарение.ру», об этом говорит и электронное издание книги «Диагностика старения» [22].

6. Заключение

Подводя итог, можно утверждать следующее. Возникло своего рода недоразумение, о котором отчасти уже было сказано. Оно как раз явилось следствием отрицания достижимости бессмертия, которому приписывается абсолютный смысл, необоснованный и неоправданный с научной точки зрения. Это недоразумение легко устраняется как раз посредством введения понятия «практического бессмертия человека» как вполне реалистичного и обоснованного, вместе с тем имеющего полноценную мировоззренческую нагруженность. Бессмертие достижимо, но именно практическое бессмертие. Это обстоятельство позволяет перейти от смертнической парадигмы, исходящей из неизбежности старения и смерти, к парадигме бессмертнической, которая признает возможность устранения как естественного старения, так и её закономерного результата — смерти. Это даёт основание для названия книги В.Ф. Пряхина «Бессмертие — мировоззрение XXI века» [23]. Вместе с тем она содержит ряд дискуссионных вопросов, которые требуют своего дальнейшего обсуждения. Чем шире и свободнее будут проводиться научные исследования в рассматриваемой области, тем быстрее и надёжнее будут найдены искомые позитивные решения рассматриваемой проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1]. Астахова, В. Вызов смерти. — Москва: Моск. рабочий, 1970. — 112 с.
- [2]. Бернал, Дж. «Возникновение Жизни». — М.: Мир, 1969. — 391 с.
- [3]. Бердышев, Г. Наука и религия о смерти и бессмертии. — Киев: Знание, 1986. — 48 с.
- [4]. Виленчик, М. Биологические основы старения и долголетия. — М.: Знание, 1976. — С. 153.
- [5]. Вишев, И.В. Геронтология и философия // Философские науки. — 1974 — №1, — С. 155.
- [6]. immortology.susu.ru
- [7]. <http://www.bibliotekar.ru/tainy/4-36.htm>
- [8]. Вишев, И.В. Радикальное продление жизни людей (социальные, естественнонаучные, философские и нравственные аспекты). — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. — С. 130–132. — 192 с.
- [9]. Вишев, И.В. На пути к практическому бессмертию. — М.: МЗ-Пресс, 2002. — 324 с.
- [10]. Kurzweil, R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. Viking, 2005, 652 pp. ISBN 9780670033843
- [11]. <https://www.thesun.co.uk/tech/4625846/cryogenics-will-soon-be-cheaper-than-a-funeral-and-people-will-freeze-their-brains-rather-than-getting-buried-expert-predicts/>
- [12]. Xiao-Ping Ren. The Age of Head Transplants EDITORIAL COMMENTARY. 2016 pp. 257
- [13]. <http://www.kp.ru/daily/26366.7/3247293/>
- [14]. <http://www.kp.ru/daily/26396/3273829/>
- [15]. <http://www.pravda.ru/news/science/eureka/19-01-2016/1289336-head-0/>
- [16]. http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201601191658-ft9q.htm
- [17]. <https://rep.ru/articles/2019-rossiyanin-kotorij-bil-glavnim-kandidatom-na-pervuyu-v-mire-peresadku-golovi-ustupil-svoyu-ochered-na-operatsiyu-kitajtsu/>
- [18]. Giuliano Mori, Head Transplants and Personal Identity: A Philosophical and Literary Survey; John Wiley & Sons Ltd CNS Neuroscience & Therapeutics, 22 (2016), p. 275–279.
- [19]. Sergio Canavero, MD, XiaoPing Ren, MD, b, c C-Yoon Kim, and Edoardo Rosati, Neurologic foundations of spinal cord fusion (GEMINI); Section of the Annual Surgical Update of the International College of Surgeons in Annapolis, MD, on June 10–13 2015.
- [20]. Батин, М.А. Лекарство от старости. 2-е изд. / Михаил Батин. — М.: Изд-во И.В. Балабанова, 2007. — 64 с.
- [21]. Турчин А, Батин М. Футурология XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа. — М.: Изд-во «Бином. Лаборатория знаний», 2013. — 263 с.: ил. [24]. цв. вкл.
- [22]. Батин М., Веремеенко Д. Диагностика старения. Связь биологических параметров с продолжительностью жизни. [Электронный ресурс]. — М., 2018.
- [23]. Пряхин В.Ф. Бессмертие — мировоззрение XXI века. — М.: Академический проект, 2018. — 268 с.

Nasiedkina O. O.
doctor of philosophy,
Pavlograd, Ukraine

NON-CLASSICAL PHILOSOPHY AND THE LOST GENERATION LITERATURE

“And outside past a dusty fence there was moving the crashed world...”
(E. M. Remarque. *The Night in Lisbon*)

Summary. The article is attempting to analyze several fiction works written by some authors of the Lost Generation literature from the non-classical philosophy's point of view.

Key words: *absurd, being, existence, freedom, happiness, Lost Generation literature, moral values, non-classical philosophy, peace, resistance, war.*

We believe that the first half of the XXth century's men's both social and spiritual problems are consonant with the disturbing symptoms of nowadays. In the modern era of globalization, digitalization, hybrid wars and terrorism the research paper's **actuality** is in a philosophical comprehension of the 1920-1960 years' novels. It should be mentioned that a person is still a problem for himself [26, p. 146]. As for the system of spiritual values, they are losing its obvious imperativeness, which leads to a life desorientation [26, p. 155-156]. Finally, certain problems in communication between an individual and a consumer society are in the loss of faith in once reliable religious and civil ideals in terms of social-political instability and environmental disasters.

The Lost Generation works are interpreted mainly from the standpoint of literary analysis. Researching E. M. Remarque's "All Quiet On the Western Front" the author emphasizes justifiably that both artistic and philosophical space of the literary work should be learnt more thoroughly. Also, "strengthening readers' receptive immune system against violence, devaluation of life and other heavy moral losses" [2] (here and further the translation is mine – O. N.) is urgently required. While discovering Hemingway's works another Ukrainian scientist defines the American writer as a bright representative of the Western world's mood of the XXth century first half. The researcher points out that Hemingway considers man's life to be much more valuable than civic duty [25].

The analysis of a heroic individual's philosophy in the XXth century literature allows to define the person mentioned above as "... a loner who does not accept stereotypes of the social life and who under any circumstances strives for defending the own identity" [7, p.3]. Studying the irrational aspects of the Philosophy of Life's representatives allows to make a conclusion that "... the only one understands life really who finds a life output point and follows the way of a versatile live man's self's live holistic comprehension" [20, p. 69]. We completely agree that people's lives are "an eternal longing for making sense" [20, p. 67].

In the modern era of technostress civilization the Lost Generation literature reminds us of some key challenges we face dealing with a choice in the "borderline" situations of an uncertain and often threatening being. A XXIst century reader pulled out of the current realities returns to the fullness of being joining in the dialogue of times [6, p. 95]. The

incomplete list of concepts that are comprehended by the Lost Generation authors includes being and consciousness, ideology and authority, labour and nature, life and death, illusion and reality, freedom and loneliness, war and peace, despair and resistance, absurd and dream, hope and happiness. These notions have been meaningful for personal and social consciousness in the hostile world since the beginning of the XXth century.

The research **methods** include discourse-analysis and dialectical method actualizing such philosophical categories as being, consciousness, development, time, cause and effect, form and content, phenomenon and essence. Discourse-analysis allows the researcher to interpret a text as a social practice revealing the certain epoch's cultural senses among which human problems are the most essential ones. The article's **purpose** is to determine the interrelation between the non-classical philosophical ideas and those represented in the Lost Generation fiction works.

The XXth century marks a new era "which has been discovered and announced by two great prophets" – J. W. Goethe and F. Nietzsche [26, p. 155]. On the one hand, there has come the age of nuclear physics, cybernetics, quantum mechanics and relativity theory. Scientists penetrate the mysteries of genetic inheritance and the human brain, develop means of communication and space exploration. On the other hand, a man whose nature was considered to be creative [3, p. 13] degrades morally with coming of the technological advances' era. The age of romantics has disappeared. During the wartime and unemployment conscience and honor become unclaimed. Since money rules the world people have more easily sacrificed ethical standards for justification of violence and deception.

Pop-art (especially cinema) of 1920-1930-s promotes the cult of youth which is still in fashion. Courageous and honorable deeds are replaced by a mindless pastime when "rum embodies life itself" [18, p. 26, 58]. "These days the soul of a man loosens, everything is unsteady ... for a man, he lives in seductions and temptations, in the eternal danger of substitution" [1]. Life "seems to be all about painful struggle for a miserable existence" [18, p. 274]. "Everything becomes petty! Everywhere I see low gates ... you should bend down" [10, p. 172]. In the progressive XXth century anyone can unexpectedly and easily die from a bullet, an illness, hunger,

denunciation or because of despair. However, people's maturity occurs quite rapidly [12, p. 289].

In 1832 J. Goethe speaking of relationship between life and creativity underlined the necessity of joyful selfrenunciation, psychic harmony and humility of sufferings for a writer to follow [3, p. 420]. A hundred years later A. Camus declares a writer's job to be a dangerous and extremely responsible profession because "any publication ... is a public act" [8, p. 363]. Into the writer's perception the desperate plight of the nation enters [8, p. 364]. Some irresponsible detachment as well as an aesthetic contemplation change for a writer's personal opinion because a man becomes a questioning and a riot [8, p. 133]. There comes the nihilistic age of dehumanization and desecralization when a man is powerless to believe losing the faith's initial foundation [8, p. 169]. The epoch of a social and spiritual slavery is the result of a too rational and an inhuman attitude to a man as an object.

During the first half of the XXth century the notion of *progress* born in the Enlightenment is associated with a labyrinth where "a person is in a rush to enter like a blind man but ... leaves to run wild" [23, p. 240]. The scientific and technological progress does not relieve people of anxiety, sense of guilt or disappointment. As a philosophy of life's representative notices, the perception of depth is lost: "Everything is going with the flow, nothing is deeply immersed in its sources" [10, p. 191]. The greatness of the human mind glorified by J. W. Goethe is in knowledge of the world and in the protest against dogmatism. However, the hopes of the XVIIIth century person are not fully justified: "I understand that we are not given the knowledge" or "I cannot comprehend the Nature's greatness" [4, p. 39]. The end of the XIXth and the beginning of the XXth centuries illustrate "a nervous life rhythm, psychic strain due to a steady flow of information and the enviorenmental pollution" [4, p. 26]. In the industrial society even the devil becomes civilised – evil transforms not being reduced in size and influence. Mephistopheles lives not only in the titles and privileges but in the peoples' souls as well.

Feelings' manipulation, corruption and apathy of spirit result in some illusory reality in which depersonalised words and dead meanings – "... the sinister God of abstraction's victims" [10, p. 354] – destroy the objective reality. In the Nietzsche's works God as not a natural causality is the anti-natural one and its morality denies life [10, p. 372, 373]. F. Nietzsche finds "the dead God in the epoch's soul" [8, p. 170]. Consequently, the philosopher has the right to claim that the Kingdom of Heaven is in people's hearts instead of being in the Heavens and the Kingdom of God is not in some abstract future but in an existing man's soul. We assume the Nietzsche's Overman does not represent a cruel and destructive world but a symbol of a courageous self-creation, a holistic approach to self-knowledge, an honest nobility, justice and kindness. Nietzsche's ideal of a man is incompatible with voluptuousness, lust after power, selfishness, envy and revenge. The philosopher's unhappy person is the one who is always satisfied with the state of things, is

not able to recognize good and evil in his own heart and is not aware of his personal choice.

Like some Philosophy of Life or Existentialism's representatives the Lost Generation writers do not trust in either Christianity or Protestantism. The authors suggest that the Christian non-resistance to evil by violence harms a man because the faith like this worships "the exhausted and tormented God" [11, p. 114]. Protestantism is believed to be dry and restrictive [11, p. 115]. However, "if a rebel blasphemes he hopes for a new God" [8, p. 196] and the nature of It is the very essence of that God. An inhuman mind conquers the world by means of arms and hatred creating demons of dogmatism, total justice, formal morals and general rationality. "The era without transcendence" [8, p. 228] generates violence and terror. A human mind occupies faith's place, intellect takes the Bible's place, religion turns into politics and a prayer is replaced by labour [8, p. 230]. Still, "nothing can shake thirst for the divine in a man's heart" [8, p. 232]. This realised demand makes it possible for a person to feel the belonging to being in full. As J. W. Goethe writes, "Fill all your heart with the feeling. If you feel happiness then, you can call the feeling either love or bliss or God! There is no name for it as everything is in the feeling!" [4, p. 157].

Appealing to men to respect themselves both F. Nietzsche and A. Camus protest against a spirit of slavery, injustice and senselessness of people's being. As Camus says, the point of a reliable and moral person's being is in the conclusive evidence's power which outweighs tyrants and gods [8, p. 108]. A man is the only creature that claims to fully comprehend the essence of life [Camus, p. 116] and the only creature that refuses to be the one he is [8, p. 126]. People try to make the world meaningful transforming the way they exist. The XXth century man's loneliness is the rejection of God. Therefore, "as a person's salvation is incomprehensible in God it has to be done on the earth" [8, p. 178]. Thus, some men take themselves as vicars of Christ overpowering their own abilities. Not the God-man but a man-god of the XXth century targeting at the own ambitions' selfishness (like Goethe's Mephistopheles) is able to benefit greatly from both war and peace [4, p. 267]. Such a man who cannot satisfy the criteria of good and evil F. Nietzsche tries to overcome as "shame and disgrace" [10].

War is shown as an unambiguous evil in the works of the XXth century Lost Generation writers. The notion of *war* if linked to a man who is either a tormentor or a victim. Any war rises a deep distrust of words. The initial sacradness becomes a profanity which is ridiculed scornfully. The words like *sacred*, *victim*, *glorious*, *victory*, *accomplished* lose their propagandist pathos in a soldier's consciousness: "The things that considered to be glorious do not deserve to be honourable and the victims reminded us of the Chicago slaughter..." [24, p. 131]. The name of Adolf Hitler as an ideological icon of Nazism does not protect people against bombings [15, p. 182]. Pagan by nature the public consciousness' faith in some infallible divinity of a leader is destroyed under the war circumstances where the words (not to mention actions) have to bring the huge sense of responsibility. The

language that does not create a reality is not needed because any language itself is not only a sign but a rhythm and a landscape, space and time, body and spirit [6, p. 199]. The words of Camus are still true: "Words must not be prostituted in an unpunished way" [8, p. 365].

On the one hand, a soldier at war discovers a real value of friendship: "The nearer to the front line, the more wonderful people you meet" [24, p. 186]. On the other hand, a man of war has to restrict himself to some vital needs. The views that a polished button is more important than Schopenhauer's works and that Plato or Goethe do not have such power over men's minds as a sergeant does are imposing on a soldier [16, p. 20]. Any war destroys an individual being bringing rudeness, cruelty and incredulity into a character's structure. The primitive forms of trench living is similar in some way to African Bushmen's way of life. However, the prehistoric times can be developed technically while the XXth century degrades morally because of the technical advance. The physiological needs' satisfaction is definitely imperative but a man desperately needs a personal growth and both intellectual and spiritual needs' realization [26, p. 186].

A war brings levelling of the national peculiarities: "...we used to be the coins of various countries, then they were melted down to be the same nowadays" [16, p. 176]. The notion of a national dignity is blurred as a war demands not minds but ability to sacrifice lives for victory [11, p. 93]. "Some frightening feeling of alienation" [16, p. 116] corrodes a personality in the post-war years. Depersonalization, indifference and lifelessness are the disastrous consequences of the souls' deformation scorched by war. The Lost Generation works researched in the article contain quite a number of irony and metaphors' examples. Irony like humour "always holds the ascension over its own existence" [26, p. 151]. A. Camus's words about irony as "a desperate hope" [8, p. 111] apply to sometimes the ironical style of the Lost Generation authors. For instance, robots not people are proposed to fight among themselves. However, "people cost cheaper..." [11, p. 221]. The war in which "even gods are mobilized" [8, p. 110] reduces any person to the level of loss of life's dry figure.

The Lost Generation writers analyse the reasons leading to the outbreak of war. As J. W. Goethe claims, "A wordsmith does not feel the results only, he digs up the causes of the thing" [3, p. 17]. Wars are necessary for a military dictator to strengthen his power otherwise there will not be his worship [16, p. 136]. Any political and military doctrines divide nations into Their Own and Others artificially. Murder is officially allowed with respect to the latter: "Someone's command has made these silent figures [war prisoners – O. N.] our enemies... Some people ... have signed a document and ... we are aiming to do the thing the human race usually despises for and punishes in the most severe way" [16, p. 127]. An absolute dictatorship sets to enslave and exterminate "wrong" nations as its hostile target.

There are some ideological, social and economic reasons among the ones that lead to a war:

"Overpopulation leads to war along with a mercenary greed, a diplomatic cheating and a dumb patriotism" [11, p. 133]. The aggressor country's illegal territorial claims are among the war reasons, too. "The world is rather small to hold Germany which requires more place under the sun as well as the British Empire which does not want to get smaller" [11, p. 181]. During the first three decades of the XXth century the illusion of moral progress rests on both the scientific and technological advances' achievements and the financial strength. "... A war is impossible between highly developed countries. ... With the help of the united efforts Wall Street and Threadneedle Street are able to stop even the stars in the sky" [11, p. 181]. Such things as treachery, venality and lie are also the reasons of a war. It was hypocrisy that helps to easily dissemble the state of things before the war and during it [11, p. 186].

The natural consequence of an ideological brainwashing is the world picture which contains quite a definite image of enemy. Under both Stalin and Hitler's regime the propaganda had the purpose of a total unification and a dazed "exclusivity". "We were announced the Master race which all the rest ones had to serve like slaves to" [13, p. 33]. Among the spiritual reasons of war are intolerance, selfishness and a smug ignorance: "...if a person did not try to convince the other to accept his views as the only argument men would fight more rarely" [13, p. 113]. The Party meetings in which those present have the absent sleepy facial expression with some fata morgana of a great fulfillment [18, p. 340] create the image of public government management. The ideas of a racial superiority or a communism building in a particular country are historically and socially puerile. Such ideas are a political and economic bluff and a lifeless irrationality.

On the eve of war "the strong countries always blame the weaker ones for their aggressiveness" [17, p. 82]. The deliberate substitution of the concepts as an influential leverage against the mass consciousness is a manifestation of some reckless courage of the powers recognizing the opponent's weakness [19, p. 88]. For instance, the Hitler's government fighting against unemployment through the military development faces the alternative. The regime has to either declare a war or accept the country's economic disaster. Hitler chooses a war consciously [19, p. 219]. Violence, craftiness and massacre of the unarmed are not the discoveries of the XXth century. "Demagogues, tricksters, ... egotists intoxicated with some unlimited power, fanatics and prophets ... instilled love of a neighbour ... for the sake of an emperor or some crowned madmen..." [19, p. 218].

The Nazi ideology disfigures Italy and "the lovely people who have not won any victories for centuries get utterly mad with rage" after they attack Abyssinia and Spain demanding to destroy England as well as planning to seize Nice, Corsica and Savoy" [19, p. 245]. The cynical ideology of a totalitarian regime means murders of the dissenters to be protected of thoughts. The concentration camps' necessity is explained by defending the country's honour [17, p. 115]. The conclusion that any tyranny needs violence is fair.

The reverse is also true – a tyranny which is based on coercion fails inevitably [15, p. 252, 253]. The causes of the “brown plague”’s spread are absence of the organised resistance and a political shortsightedness: “... a man is strangely one-sided; he admits his own experience and only the danger which threatens him personally [14, p. 94-95]. Despotism is fed by fear: “The Neanderthals were killed by clubs, the Romans were killed by swords, medieval men used to die of plague. We can be won with a useless piece of paper” [12, p. 288]. The absolutely ruthless form which eliminates the content is in taste for denouncement, the illegal sentencing of the Soviet “three” and the nationality’s mark in the personal file.

The concept of *life* is opposite to the notion of *war* and is synonymous to the idea of *peace* in the Lost Generation works. A war experience gives a man a right to say, “... I do not care what the world is. All I want to know is how to live in it” [24, p. 114]. After the World War II understanding of “what we spend our lifetime on” [19, p. 141] becomes essential. An individual life’s content is of a special care. In times of “jazz love stories” when life rapidly “changes ... not from century to century but from year to year” [23, p. 247] the concept of *life* is associated with drama, triumph and mystique. The lost and resurrected, sensual and materialistic, hidden and explicit life is interpreted as evil, good or chaos by the Lost Generation writers.

Life is a tragedy with the predetermined end [24, p. 184]. Life is compared to a misery of the “mangled dying being” [18, p. 125] or to a shipwrecked people [17, p. 109-110]. However, life can be a kindness-for-others [19, p. 57] or, generally speaking, it should be something more than hatred [15, p. 280]. Life is an absence of savagery, life is for life itself [13, p. 134]. The feeling of life should be equal to a blast furnace’s flames [19, p. 257]. On the other hand, life is made up of some little things (like a glass or a white tablecloth) which are of a great value in the ruins and chaos of the troubled times [13, p. 135]. Life is victorious when the event of “I-awareness” takes place and a personality is no longer a powerless part but a meaningful unit [5, p. 86, 104]. According to another point of view, life is pointless because it is a “football with all players out and no referee” [23, p. 240]. Life is a point of light which comes from nowhere and disappears unexpectedly [11, p. 9]. Life is “thousands of lights and streets which are stretching out to infinity” [17, p. 95].

Although a war has its advantage of absurdity [8, p. 111] the concept of *life* is not recognized as an undisputed evil in the era of the ideological crisis caused by inefficiency of liberalism and rationalism [26, p. 82]. Along with a pessimistic life perception including futility, inevitable losses and death there exists a deep intense being based upon a peaceful routine’s dynamism and an awakened self-consciousness. The Lost Generation works’ main characters completely accept life (despite of some terrible sufferings) as the omnipresent life “always and everywhere makes the way” [26, p. 160].

In the philosophical sense *death* is an integral component of life. Life owes death the world knowledge and the emotional experience, “... Almost

everything we have we are given by the dead ..., our language ..., ability to feel happiness and despair, ... ability to sympathize ...” [14, p. 33]. Life is not fulfilled if a man “throws life away” [14, p. 61], that is in the wrong business betraying the values and ignoring life’s challenges. Both the Lost Generation writers and the non-classical philosophy grant a man the right to be responsible for his destiny. Suicide being a simulacrum of courage gives the illusion of a free will [17, p. 52].

In the literature of the Lost Generation’s authors *happiness* is highlighted as the most uncertain moral value along with the most costly things in the world [18, p. 97]. “Mathematically error-free happiness” [5, p. 3] declared by a totalitarian state is an absurd intention. *To make* (italics are mine – O. N.) people be happy is a ridiculous task when happiness is associated with some organised nap and richness of the fed [5, p. 138], which means death to everything live. The satiety should be understood as a people’s force feeding on slogans and empty promises. In a totalitarian state happiness can be measured by a contradictory fraction which has blessedness as a numerator and envy as a denominator [5, p. 16]. Totalitarianism implements not only F.Taylor-like industry but introduces a controlled F. Taylor-like intimacy [5, p. 31]. Emotions’ management is both a crazy and a dangerous idea as “people are linked not only by means of the relationships and bonds seen by the daylight of consciousness” [1]. The emotions of happiness, joy or pleasure cannot be regulated or calculated from outside as these feelings (like the emotional sphere in general) are subjective and irrational.

Having had the horrific experience of the World War I a man looks for a personal happiness asking himself if he is able “not to offend against Justice and not to attempt the other’s rights” [11, p. 140]. Intersubjectivity as a today people’s condition for existence [21] allows a person to create his own being among others, be in the world but not out of it taking both personal and other people’s interests into consideration. The analysed literature’s realism is in a truthful opinion about a happy being including such elements as a calm life conception [16, p. 114], an encouraging presence of money [18, p. 163], everyday amenities and even a pleasant weather. In some borderline situations of being physical senses let a man have the lifeline connection with the world through sense of touch, auditory abilities, sense of smell and visualization.

“Happiness is everywhere as much as you like. Just bend over and pick it up. Happiness goes simply, always much more simply than you think” [19, p. 142]. This statement cannot be considered as a life illegibility but a recognition of life’s value, a call for the life clarity and a childish trust. The prewar understanding of happiness as a boundless something dreamingly sparkling [14, p. 15] has the meaning of a physical survival related to bread and a shelter. A physical survival means a possibility of future, which itself is happiness as it denies a painful present. Probably, a human happiness gets its peak at some crucial moments which are subjectively significant. Nevertheless, *happiness* should be accepted as a relative notion to

avoid the feeling of an absolute unhappiness [17, p. 10]. Thus, A. Einstein's term – relativity – is used in the spiritual realm and it is a certain security in the terms of the unstable being.

The Lost Generation writers admit the notion of love to be rather a wide field [14, p. 74]. Love's concept's content is various including fear of loneliness, anticipation of other "I", self-esteem and self-sacrifice. Emphasizing the irrational nature of love the literary works interpret this feeling as an "unsteady image of the reality in the imagination's mirror" [19, p. 123]. The authentic unpredictable movements of love are associated with sea tides. In love hope can be buried as well as discoveries can be celebrated. In love "the wreckage of the ship, the sunk cities, some boxes full of gold and pearls" can be found [19, p. 148]. The generation caught under the wheel of the geopolitical shifts realises that love is a diverse phenomenon which has its amplitude with its own colour and love's sounds and the tactile ranges constantly change. Love "does not know either measure or price" [19, p. 254]. In the totalitarian state which cynically proves love to be emotionally ineffective and rationally inappropriate a person is tempted by "the criminal" desire [5, p. 90] of a sensual love which is natural in its origin.

There is no denying that actuality of the appeal to loving people made after the World War II is still relevant nowadays: "My dear lovers! ... In you there is the only joy of the violent world" [11, p. 139]. Love-for-the benefit-of-another justifies a man's life and gives it fearless meaning: "Nothing is scary while the person you love is still alive" [12, p. 159]. Revenge is not considered to be a fair consequence of a failed love in the world which depends "on a little warmth" [12, p. 288]. Any illogical or unexpected sincere word, a look or a gesture can be the measure which changes the situation for good. Love is an act that needs no explanation [19, p. 200]. An expression of true love like all other acts is a responsible speechless action while words are not always the act.

The Lost Generation writers admit that "it is easy to be loved by someone but it is hard to love" [22, p. 415]. Gaining of the existence's fullness through love of Another is difficult because the process needs moral, will, intellectual and material efforts. In our opinion, the element of fight presenting in love is connected with the subjectivity of another person. The resistance's overcoming is an attempt of another person's understanding: "You are in love because you cannot take control of love" [5, p. 49]. Love's internal contradictions are in a person's desire for love's eternal existence and inability to a priori control and hold the feeling. Love as an ideal substance is easily influenced by. Its changeable nature is fragile and sublime. Thus, final loving hearts' fusion is impossible and the recipe from love fading is in frequent separation [18, p. 164]. Expressing doubts of the latter's correctness it should be noted that an absolute love harmony is mostly an illusion.

The fair point – "nothing can be held" [18, p. 28] – concerns not only love feelings but also a sphere of an ideal existence of a man. There does not exist a frozen emotion like there cannot be found any stiff

moment. In the very word *possession* there is an "honest burgher's miserable and hopeless illusion" [17, p. 192]. As a result of global catastrophes and local disasters any family or a job, a dwelling or money can be easily destroyed or devalued. Men's ideals, hopes or dreams become senseless. On the eve of the world wars people live in illusion of "the eternal power, eternal health and prevalence of good in men" [22, p. 277]. The shortsightedness costs too much to the human race. The writers put a question about a man's loss of his own essence of being. However, this problem is typical not only for the XXth century. "An extraordinary man has always to teeter on the brink. Not everyone is able to withstand the pressure" [22, p. 259] of dogmatism and fanaticism.

The problem of possession is directly related to a person who can hardly resist the "flow of things and money" [22, p. 335]. Some obvious manifestations of a material wealth in marriage humiliate a financially dependent partner. Trampling on a human dignity means a human pride's insulting, which is the "real vulnerability" for a personality [22, p. 343]. A complete ignoring of somebody's existence as the reality of a different Spiritual Self or arrogant disregard for other people's views can be considered as the signs of a limited mind and of an uncultivated emotional sphere. Finally, this is the way to totalitarianism. Self-awareness's awakening is linked to a certain setting apart from others, especially when the world seems hostile to live in through its aggressiveness or indifference. A personal self-sufficiency is the result of a complicated intellectual work, a courageous creativity and the ability to protest against formality (e.g. equality of slaves, some semblance of freedom, etc.). Men are the only creatures who deny to approve of their own being [8, p. 225] striving for further development.

In the totalitarian regimes there is "nobody who feels lonely but the one of us" [5, p. 7]. Under the conditions of freedom's absence people's homogeneity is not of a species' kind but of a moral sort because the human beings become impersonal screws or numbers [5, pp. 12, 18, 46, 84]. Yet these people are going to make a discovery that "a man is like a novel because nobody ever knows what will happen up to the last page" [5, p. 107]. People's physiological, intellectual and moral inequality associated with "some thermal contrasts of life" [5, p. 116] is the norm's differences thanks to people are interesting to each other. Self-losing can be seen, among other things, in truly love's inability and in loss of imagination that is "the last barricade" [5, p. 119] to fight against the universal happiness of slaves. Imagination stands against a dogmatic integrity because a man's spirit is a priori free and dreams are out of somebody's control. In wartime "only dreams help put up with the reality" [19, p. 81] as they restore the lost paradise in the form of the peaceful dawns, the fireplaces' quiet warmth and some favourite books.

People lose themselves because they lose the firm moral footing – moral values are deformed noticeably. The French Revolution (1789-1794) starts ruining the moral values of the Enlightenment. As Sh. Talleyrand

says, "if you haven't seen Europe before 1789, then you don't know what the joy of life is" [11, p. 167]. In the XIXth and especially the XXth century modesty and honesty are depreciated and "rewarded only in novels. In life they are used and then are thrown aside" [18, p. 28]. The moral decline is a humankind's sheer regression. The lost Generation authors ask us to remember "the wonderful time when people used to be horse-tails or reptiles. ... How much people have lost since that time!" [18, p. 155]. The matter is the true values have nothing in common with either money or a profitable position [11, p. 77]. The Marxism's limitations are in reducing people's relations to exclusively social-economical ones. Still, faith and honesty "cannot be destroyed by any ... sophistry" and "a childish simplicity of a soul defending against malice" returns to be a real value [23, p. 150].

The Lost Generation era's cruelty is in a total mystification of the reality around. "Peace is conquered with cannons and bombers, humanity is won with concentration camps and pogroms. ... Aggressors are believed to be peace's advocates and the chased or expelled are considered to be peace's enemies" [12, p. 84]. In the inverted world a man is bought like a paid dancer [22, p. 369]. The world of the Looking-Glass does not allow a human charm as a self-sufficient value to exist [22, p. 415]. The world of a cynical pragmatism rejects a human for "penetrating the essence of things, solving the hardest life situations"; "the ABC of a human decency" [22, p. 369] does not exist in the atmosphere of contempt for courage, courtesy and a natural attraction to good. The World Wars have made their tragic contribution into moral values' distortion. The cognitive process related to a teacher or a book loses its significance. The society degrades being satisfied with up-to-the-minute, digestible and primitive things.

Words' value are lost. "It is hard to find words when you really have what to say. And even if the necessary words come, you are ashamed of pronouncing them. All these words belong to the past centuries. The modern age has not found words for expressing its feelings. Our age can only be unceremonious" [18, p. 222]. Artificiality and vulgarity of the words which lose their sensitivity is the result of the ideological propaganda and militant rhetoric, which deprives words' meanings substituting them with some dead simulacra. The world becomes absurd not just because of substitution of concepts but due to absence of people's unity – politics rejects human and prefers a religious extremism. A polyphonic world is in distress – a young man has to leave Germany because his father is a Jew, the same youngster is persona non grata in Switzerland because his mother is a Christian [12, p. 165]. The separation of believers and atheists prevents people from a natural communication and creates an indefinite claim on some exclusiveness of both sides [6, p. 79].

Nature stops being an object of some aesthetic contemplation turning to the object of capture, consumption and extermination. "Some semi-religious, intensely pathetic character which the aesthetic pleasure had two centuries ago completely clears

nowadays" [26, p. 157]. Mockery of a sensitive soul enjoying clouds as the source of inspiration [5, p. 4] is a hidden longing for the lost magic unity between nature and a man in the era of technological advances. Being an element of nature himself, a man makes economy a priority ignoring the nature's mechanisms becoming selfish and insensitive. "Did not that aesthete and the art expert think about fellyings of the tuna being killed by his flotilla?" [14, p. 94-95]. The mankind's global intervention into the nature's processes without considering the tragic consequences leads to environmental disasters and disbalance of natural subjects. Although "nature itself is indifferent to the human values" (Rassel) nature is valuable to a man. Some healthy essence of nature seen in the XVIIIth century [4, p. 8] opposes the pressure of the XXth century social life.

"The Gods of dawn and twilight, birds' songs and midnight silence, ploughing and harvest, fields and green grass, cows and anxiously bleating sheep" [11, p. 83] are pagan gods which will exist while living in people's minds. "The sea, rain, indigence, desire, fight against death unite people" [8, p. 367]. Thereby, nature, death and people's needs are universal people's interests. Goethe fairly remarks that "in a badly built town ... its inhabitants ... are in the desert of a gloomy existence" [3, p. 430]. The most beautiful town is the one where a man feels happy [17, p. 107] because the sense of beauty arises from a positive attitude towards somebody or something rated highly.

"Beauty is not outside but in ourselves. It is our own beauty that we learn from the changing patterns of life's eternal flow. Through light, shape, movement, glow, scents and sounds ... life expresses itself" [11, p. 62]. In difficult situations of being a man is supported by nature. Spring flowers of England are like a reproach to people's despair, malice and greed [11, p. 134]. The annual renewal of nature does not depend on a man's will, which is dissonant with a person's dependence on other people's wills. "Spring comes and trees can carelessly blossom again ... and they know nothing of passports, treachery, despair and hope" [19, p. 195].

"A man stops being wild only when [the Soviet Union] isolates a machine perfect world from the unreasonable ugly world of trees, animals and birds ... behind ... the Wall" [5, p. 62-63]. The words mentioned above should be understood the exact opposite. A person loses the human essence if he or she breaks away from the nature. An ideal world is not machinery and engineering but a harmony of the inside and outside. "Machine's beauty is in steady and precise ... rhythm. However, aren't you pendulum-accurate fed by the Taylor system?" [5, p. 118]. The matter is a human nature is not constant. The sphere of emotions is changeable. Instincts coexist with the conscious. Without imagination, inspiration, anticipation, insight, dreams, which is irrational, a man is just a machine started with the social rhythm and doomed to death. Thus, the mechanical life is meaningless for us without an ability to express and share our feelings, that is to manifest ourselves through communication in any form.

The decline of moral values at the public level does not mean their death in the mind of an individual. Is anything of importance in the world where everything is sold, bought, changed drastically and died? Yes, it is. "It is the fact that we are not dead anymore. ... And the fact that we are not dead yet" [13, p. 178]. While a person is alive he has to struggle with the circumstances. "A person is nothing but a series of decisions, ... the amount, form and set of relations..." [21]. Resistance to evil is neither a nice figure of speech nor an abstraction. An explicit or an implicit repulse can become a key concept of the worldview (if not the meaning of life) at the crucial time because the terms like *Motherland* or *life* can mean less than the notions like *justice* or *freedom* [17, p. 3]. Rebellion manifests itself in life's awakening in a man, in birth of the ability to sympathize and empathise. To oppose means to be authentic and be able not to be equalized [5, p. 21]. An opposition starts with some independent thought's birth ("... it is necessary to think a little – this helps greatly" [5, p. 91]) when men question themselves about God and the things' correlation.

Resistance is a protest against dogmatism and paucity of beliefs in the society which lives "according to the ... laws of the multiplication table. There is neither hesitation nor errors. There is only one truth and the true way is only one" [5, p. 46]. Resistance is in the revolt against a dead unity of "the grey-blue ranks" [5, p. 6], against flaunting the private life. Protest against "wide open faces" [5, p. 93] starts with courage to think and feel, which is a crime in the totalitarian state. A man of protest hopes to find a meaningful being among speechless molecules and phagocytes [5, p. 86]. A rebellious man realizes the power of laughter as a weapon which can destroy even a murder [5, p. 139-140]. "Fate is never stronger than a cool courage that resists the destiny" [19, p. 357]. A spirit of nobility is able to oppose the tragic existence: "Untill a person gives in, he is stronger than his fortune" [18, p. 308]. Buying a new dress is a sick woman's protest against the abusive conditions of life [17, p. 121]. Beauty counters vulgarity, fear and hatred as a defensive redoubt in the wartime.

Any war proves that any oppression can be beaten. The most essential thing is to remember the reason of the protest [15, p. 103]. Along with heroism there is a bravery of a long-term resistance filled with the physical and moral sufferings. For instance, death camps' prisoners are people humiliated unbearably. However, they have a dignity not to consider themselves humble [15, p. 257] because hope as a ghostly guide of some worthy life is still alive. Without arms and military operations the prisoners win the subhumans morally because the poor men remain people under the inhuman circumstances. "If I can go without bread till tomorrow, ... then I am not yet an animal. ... It is the resistance. This is how to become a person. It is a beginning..." [15, p. 59]. It is necessary to survive to live on not only to be self-respected but to be loved in a family and respected at work.

Work as a source of a material being should bring a moral satisfaction as well. During a total unemployment work becomes hardly achievable. On the other hand, having a job is not the irrefutable proof of somebody's happiness. A man should realize that a

personal work is an essential and a respected part of a great social whole. That is why a man's yearning for "the profession's ethics" [22, p. 427] is natural. Some pieces of advice relevant to work are given in the Lost Generation literature. Firstly, "you should do your job as brilliantly as possible and not to make too much noise" [11, p. 118]. Secondly, "a man should be a master of the craft and if he is not he is nothing better than others" [22, p. 326]. Finally, a successful career cannot have anything to do with a social snobishness or a material insatiability.

The literary analysis of the global redistribution's era of the financial capital and the political authority's fusion, aggressive wars and public consciousness's total manipulation lets the Lost Generation authors make a conclusion: "Even in America money is not the only stimulus which reveals the best in a person" [23, p. 248]. The economic starvation is unworthy of a human being because it has "a terrible squalor, dirt and stupidity" [23, p. 233]. An economic poverty can definitely be named a social and moral evil.

The notion of *evil* is versatile in the works of the Lost Generation writers. Evil's manifestations are "laziness of heart, fear, simulation of conscience" [15, p. 104]. The obvious benefit of prisoners' release contains the problem which is in "the train of loneliness, sad reminiscences and perplexity" [15, p. 307]. The society that does not participate in the war directly is hostile to a soldier who gets tired of chatting about nothing [19, p. 141]. The evil of a social routine is in empty pastime, reckless entertainment and pointless words, that is in people's failure to realize the tragic lessons of history and in people's reluctance to reflect on their own lives. In the postwar period ("... there is almost always a war" [14, p. 80]) the war means worldviews' intransigence, political and religious conflicts, social injustice and some destructive ways of behaviour. As the Lost Generation authors note, the only war which is worthy to participate in is a war of mind against stupidity and inertia.

In fact, in 1920-1930s "sport, journalism and aristocratic manners" [11, p. 85-86] make a man's life senseless. The system of values under the name of "aristocratic egotism" [23, p. 26] collapses inevitably because this is the worldview of some talented people not having any moral principles or faith in the man. A newspaper becomes an instrument of manipulation because the paper substitutes a critical analysis of the objective reality for a gum's red cent sale to thousands of harried people [23, p. 198]. Templates are dangerous for both life and art because standards are evil to development of thoughts. For example, the imposing statements (about the cheerful American nation or the Russians obsessed with suicide) [23, p. 142] run counter to the objective data.

Hitler's Germany is an absolute evil because it embodies "a rough materialism and a complete tyranny of power" [23, p. 142]. Upbringing in a pre-war Germany in the National Socialist Hitler Youth organisations is an onward annihilation of thoughts and feelings' freedom. The attractive form including sports, aircraft modelling and orienteering conceals the fanatic ideology of fascism. A young man brought up on National Patriotic ideas stands up for a theory of racial supremacy [22, p. 442]. Evil is in the euphoria of

devotion to the Party “messiah” who believes that everything is fair in the fight for power: “You had to be a murderer to be adored” [17, p. 210]. The notion of a nation’s rising up is associated with a stone. When you raise the stone some creeps crawl out of it using fine words to hide their own true nature [17, p. 78].

Kindness degenerates into an artificial sympathy. Discipline takes the form of cruelty. Dignity turns into intolerance. Evil is in the absolute limitation which discards History as a used rag. At the place where “Francis preached a sermon on love there are columns of the marching youths in the fascist uniform obsessed with delusions of grandeur, intoxicated by both empty phrases and hatred to other peoples” [19, p. 245]. Evil is a morality of the criminal world [8, p. 256] being chosen consciously by a dictatorship. The regime pays the price for such a choice over the time because “complacency in evil is death” [1].

The social evil involves some political and religious barriers because they are “artificial differences invented the powerful to encourage their weak henchmen and to remove ... the strong” [23, p. 48]. Evil is in the loss of a social identity: “Nowadays even Christ found without a passport would be put in jail” [19, p. 185]. Evil is in leveling of personal qualities which have been destroyed since the time of crimes’ prevalence [12, p. 298-299]. According to the Lost Generation writers, death of intellectuals is due to their moral hesitation and searching: “The more primitive man, the more satisfaction he demonstrates. ... Doubts and tolerance are intellectual person’s features. That is why such people are still dying. It is a Sisyphean work” [12, p. 91]. Dying of sensitivity – “A metre away a crying suffering man is dying but you feel nothing” [12, p. 29] – is a world’s disaster because the evil’s quantity becomes a terrifying routine. A personality’s eternal problem which is especially vital in the XXIst century is “to know evil as it is whether the evil wears muddy, boring or luxurious clothes” [23, p. 145]. It should be mentioned that it is not enough to find the evil out but it is necessary to resist it.

It is “youth itself” [11, p. 9] that is an irreparable loss of the XXth century. The generation gone through the horrors of the First World War feels they are old having no experience of age: “We are old, cynical, we believe in nothing and sometimes we are sad” [13, p. 113]. The senility including the experienced suffering, pain and disappointment is not of a physiological but of a psychic nature. The First World War participants admit that a man can find a balance in the post-war world if he “steps outside of selfishness” [23, p. 254]. “The caricature-ridiculous, confused and helpless” [11, p. 19] older generation is responsible for the old slogans and creed, which is fear of poverty, worship of success and gods’ death [23, p. 256]. However, “the whole world is guilty of the bloody crime” [11, p. 30] against humanity as “most of the male’s side of the young generation has died never live to be thirty years old” [11, p. 135].

The generation experienced its own extermination take ironically G. Leibniz’s (1646-1716) thought of the existing world as the best of the worlds because the faith in a reasonable word order is lost. The generation of the young is killed even if it is rescued from shells: “We were eighteen and we just started loving the world.

We had to fire on life” [16, p. 62]. The generation is ruined “for nothing, ... in the name of empty chatter, ... newspaper lies and the politicians’ militant impudence” [11, p. 169]. Some survived memories’ fugitives compare their living in the native country with tourists’ temporary staying [16, p. 84] and with the collapsed pit’s miners whose worthy dreams are unclaimed “in businessmen, corruption and poverty’s time” [18, p. 58]. The abandoned and homeless, deceived and apathetic people like “lost children” [12, p. 186] are involved in the Second World War under the terms of the revived anti-humanism. The Lost Generation writers erect a tombstone to the generation that “hoped for much, fought fairly and suffered greatly” [11, p. 7].

The characteristic signs of 1920-1930s include a rationalized love with phone calls instead of letters and the power of a totalitarian state-god with punitive bodies instead of the Middle Ages’ guardian angels. The Christian God sacrifices Himself for the sake of a man while the technocratic civilization’s citizens sacrifice their rights and freedoms to the state-god. The Christian God affords a man’s soul right to doubt and make mistakes while a totalitarian authority gives a person the only right to be punished or even killed [5, p. 32 ; 77]. The millennial civilization appears to be “false and worthless” [16, p. 172] because it has never learnt to prevent peoples from a fratricidal confrontation. There is no progress in people’s awareness of life as an ultimate gift. The war crimes are in undermining faith in a human mind and “the human race inspires an invincible horror and disgust” [11, p. 266].

The era of 1930-1940s is closer to barbarism than the V-IVth centuries B. C. because the joyful world’s perception is lost. Z. Freud’s psychoanalysis replaces the lively feasts in honour of Bacchus and Dionysus. The Europeans thinking complacently of their own fate resemble walrus or sheep which are led to slaughter. The sale of Europe, the gods’ shapeless twilight, human rights’ faded banners represent the European social and political situation before the Second World War [19, p. 88 ; 129]. The era of total lies is the epoch of the counterfeiters wearing masks of good and hiding the essence of evil. While building military plants and concentration camps the political fraudsters and gangsters pretend to be the humanity saviors [19, p. 130]. The Reich’s killing of “the inferiors” indicates a moral decay of the Germans. The spiritual achievements of Th. Gutenberg, S. Brant, J. Goethe, L. Beethoven, A. Barbusse, B. Brecht, S. Zweig seem to have sunk into oblivion.

The first half of the XXth century is the era of migration and emigration. An emigrant’s being is analogous in its scope to the Earth’s being. Our planet is compared to the Sun’s emigrant [17, p. 56]. The emigration attains such dimensions that the human pain reaches space proportions. The first half of the XXth century can be named the era of bitter irony, “an unwilling, absurd irony, marked by the past technical success and degradation of culture” [17, p. 134]. Another name of the epoch mentioned above is the age of paradoxes when falsehood is called the truth and evil is regarded as a good thing [17, p. 177]. A person seems to be “inside a cable car” [17, p. 211] hanging between

the devalued past and a misty future. A man's uncertainty is akin to his unpredictable danger – a man is “a rope stretched between a beast and an overman” [10, p. 12].

The era's paradox is in the words: “A man is always and never alone” [19, p. 66]. Slaves cannot *be* friends while despots cannot *have* friends [10, p. 59]. However, in times of tyrants and the deprived a man can be supported by “a worried heart of the other person” [19, p. 253]. A totalitarian era's man's trouble and charm is, on the one hand, in the human ideas' grandeur but, on the other hand, in frailty of the ideas' implementation [19, p. 80]. A man is both excused and condemned. Life is given not only to explore the meaning of life because “misfortune is the most common thing in the world” [12, p. 38] but also to avoid actions increasing evil.

The process of thinking is the worst illness because it is incurable [18, p. 153]. A man can't help thinking. On the other hand, thinking is risky because it is free. However, not everyone gives birth to an independent deep thought relevant to modern life's comprehension: “You become a melancholic while thinking of life and a cynic is born when you see what most of people make of life” [18, p. 134]. The Lost Generation authors raise the question “how to combine ... books, poems and philosophy with the Nazi stormtroopers' inhumanity, ... with killing of the innocent” [13, p. 210].

The same question can be asked in relation to Russia that gave birth to such phenomena as A. Pushkin's poems and Stalin's regime. The researched literary works answer: “... everything has its antithesis: nothing can exist without its opposite like light and shadow, the truth and a lie, illusion and reality. All these terms' pairs are not only interrelated but inseparable” [14, p. 203]. Nietzsche claims fairly that “in love there is always a little madness. And in madness there is always a little mind” [10, p. 41]. Love and hatred, war and peace, childhood and adulthood represent objective description of the being.

A Soviet writer's statement about children's ability to be sober-minded [5, p. 60] sounds like a desperate attempt to discover and protect needs of a child's inner world in the 1920s. Children are “the only courageous philosophers” [5, p. 116]. Any thinker has to wonder like a child asking fundamental questions, for example of development and its phases. According to the Marxist-Leninist ideology the 1917 revolution is a last and decisive point in the world's history. The declaration of this sort stops the historical process, which is absurd inherently. The idea of impossibility of future revolutions is also preposterous.

A child's unsophisticated question – what is next? – is in exact proportion with a philosophical understanding of not a fragmentary but a general being with contradictions as the next stage's beginning. As A. Camus notes, “... if there were the only one true revolution there would not be history” [8, p. 200]. The reality is “an endless process of formation fraught with some fruitful conflicts which are ended invariably with a higher synthesis giving birth to its antithesis and thus ... moving history on” [8, p. 272].

The problem of man is a central one in the Lost Generation writers' works. “A personality who is

linked inseparably to acts accumulates something inevitably” [23, p. 102]. Reliable personalities transform the reality constructively taking the voluntary responsibility for their deeds. Such personalities remind us “the eternal Faust who is striving for breaking through the borders of here and now yes-being” [26, p. 152]. It should be noted that the human race has not undergone substantial changes since Adam and Eve's times because people are not freed from envy, aggression, greed and vanity. Besides, “the power is a contagious disease spoiling people mostly” [19, p. 79]. On the one hand, the mankind has created the immortal works of art. On the other hand, the humankind “was not able to provide each man with enough bread” [18, p. 290]. Indeed, the gap between economically prosperous countries and poor ones is widening. Among the XXIst century global problems are famine and diseases as well as man-made and environmental disasters, illegal emigration and terrorism.

Camus's statement is still actual: “Sooner or later there comes the time when you need to choose between contemplation and action. This is called to become a person” [9]. A free man's responsibility is conscious as the person realizes the freedom's necessity in the human world: “A man is only the thing he makes of himself” [21]. A lot of factors encourage men's “moral idiocy” (N. Berdyaev). For instance, blurring criteria's distinction between good and evil, impersonal morality, abstract politicians' slogans, desire to have some out of experience painless truth that is given once and for all. It is proved by the history that books' burning results in men's burning. Throwing books away causes the acquired knowledge's depreciation. However, the opposite is true. The modern man's loneliness is a problem existing under the conditions of the destroying nature, diversity of religions and the high-speed Internet.

Indifferent disunity of the human community is in lack of responsibility and loss of nobility, the moral foundations' vagueness, unwillingness to penetrate into the heart of things and discover the own inner spirit. Parody, vulgarity, dullness and illusory carnival of our time is in total commercialism and absence of honest courage to call a spade a spade. Goethe's words concerning the relation between the universal and an individual are still actual nowadays: “The general tolerance will be reached only when every person or a nation is given a chance to keep their own characteristics. However, both a person and a nation should remember that the distinctive feature of true virtues are in their belonging to the universal” [3, p. 411].

Non-classical philosophy and the Lost Generation literature hate executioners. Fascism and stalinism as the phenomenon of haughty ignorance and total violence can be revived if distrust and limitations prevail. The Lost Generation writers' works as well as non-classical philosophy warn the XXI century humanity about the dangers of war and loss of the Self. Schopenhauer's words full of “sadness and pity” [27, pp. 320, 395] concerning the necessity of resistance are still relevant to moral challenges of modern people's being. Moreover, the opposition *to be* and *to have*, which is still actual nowadays, is in favour of the first

concept in the works of non-classical philosophy's founder [27, p. 221]. The humanistic tendencies of the non-classical philosophy resonate with those expressed in the works of the Lost Generation writers.

We believe that for further research there should be important to investigate some concepts mentioned in the paper with regard to measure as a philosophical category. Measure is brought by form which restrains and set boundaries [1]. For example, as A. Camus states, creativity gives form to a destiny [21]. The notions of harmony and disharmony, proportion and disproportion, order and disorder are connected with epistemological and axiological aspects of the contemporary public problems. Among the urgent social questions are the ratio of global and national, virtual and face-to-face communication, freedom-for-myself and freedom-for-the other, etc. The problems of a social influence and a personal space, possession and belonging, education and self-education are of great scientific interest nowadays, too.

References

- Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. URL.: <https://www.litmir.me/br/?b=39356&p=1> (дата обращения: 16.02.2019).
- Галич К. О. Антивоєнний роман Ремарка і Гончара: проблеми типології : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.01.05. Тернопіль, 2009. 24 с.
- Гете Й. В. Об искусстве в литературе. Сочинения : в 10 т. / ред. : А. Аникст, Н. Вильмонт ; пер. с нем., авт. коммент. А. Аникст. М. : Худож. лит-ра, 1980. Т. 10. 510 с.
- Гете Й. В. Фауст / ред. изд., авт. вст. ст.: Туряев ; пер. с нем. Н. Холодковский ; авт. грав. А. Гончаров. Киев : Днипро, 1983. 299 с. (Школьная библиотека).
- Замятин Е. И. Избранные произведения : в 2 т. / Е. И. Замятин. М. : Худож. лит-ра, 1990. Т. 2. С. 3-155.
- История современной зарубежной философии: компаративистский подход / общ. ред.: М. Корнеев. СПб : Изд-во «Лань», 1997. 480 с.
- Іщук А. А. Філософія «героїчної особистості» в художній літературі ХХ століття : автореф. дис. ... канд. філософ. наук : 09.00.10. Київ, 2007. 22 с.
- Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / общ. ред., сост. и предисл.: А. М. Руткевич ; пер. с фр.: И. Я. Волевич, Ю. М. Денисов, А. М. Руткевич, Ю. Н. Стефанов. М. : Политиздат, 1990. 415 с. (Мыслители ХХ века).
- Камю А. Миф о Сизифе. URL.: <https://e-libra.ru/read/319757-mif-o-sizife.html/> (дата обращения: 18.04.2019).
- Ніцше Ф. Так казав Заратустра; Жадання влади / укл., пер. з нім.: А. Онишко, П. Тарашук. Київ : Основи, 2003. 437 с.
- Олдингтон Р. Смерть героя / прим. Д. Шестакова ; пер. с англ. Норы Галь. М. : Худож. лит-ра, 1976. 320 с.
- Ремарк Э. М. Возлюби ближнего своего / Сочинения : в 11 т. / пер. с нем. Е. Никаева. М. : АО «ВИТА-ЦЕНТР», 1992. Т. 4. 352 с.
- Ремарк Э. М. Время жить и время умирать / Сочинения : в 5 т. М. : Раритет-537, 1992. Т. 1. 320 с.
- Ремарк Э. М. Жизнь взаимы: История одной любви / пер. с нем. Л. Черной. Дн-ск : РИО облуправл. по печати, 1991. 204 с.
- Ремарк Э. М. Искра жизни. Последняя остановка / пер. с нем. В. Котелкина, Б. Кремнева, Н. Сереброва. М. : А/О «Книга и бизнес» А/Ц «Кром», 1992. 384 с.
- Ремарк Э. М. На западном фронте без перемен / Сочинения : в 11 т. / ред.: М. В. Сергеев ; пер. с нем. Ю. Афонькина. М. : АО «ВИТА-ЦЕНТР», 1991. 192 с.
- Ремарк Э. М. Ночь в Лиссабоне / Сочинения : в 11 т. / пер. с нем. Ю. Плашевского. М. : АО «ВИТА-ЦЕНТР», 1992. Т. 9. 224 с.
- Ремарк Э. М. Три товарища / Сочинения : в 11 т. / пер. с нем. И. Шрайбера, Л. Яковенко. М. : АО «ВИТА-ЦЕНТР», 1992. Т. 3. 416 с.
- Ремарк Э. М. Триумфальная арка. Жизнь взаимы / пер. с нем. Б. Кремнева и др. ; худ. А. Колыбняк. Кишинев : Лит. Артистикэ, 1987. 543 с.
- Саноцька Н. Я. Ірраціональні виміри творчого процесу в філософсько-світоглядних рецепціях представників «філософії життя». Вісник Львівського університету. Серія : Філософсько-політологічні студії. Львів, 2011. Вип. 1. С. 66-70.
- Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм. URL.: <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/532324-zhan-pol-sartre-ekzistentsializm-eto-gumanizm.html> (дата обращения: 10.01.2019).
- Фицджеральд Ф. С. Великий Гэтсби. Ночь нежна / пер. с англ. Е. Калашниковой. Киев : Высшая школа, 1990. 495 с.
- Фицджеральд Ф. С. По эту сторону рая / ред. : Е. Воробьев ; пер. с англ. М. Лорие ; худ. К. Федянин. М. : СП «Такт», 1991. 256 с.
- Хемингуэй Э. Фиеста (И восходит солнце). Прощай, оружие! Старик и море. Рассказы / сост, вст. ст., прим. и пер. с англ. Б. Грибанова ; худ. О. Верейский. М. : Худож. лит-ра, 1988. 558 с. (Библиотека классики. Зарубежная литература).
- Чикирис Н. В. Творчість ернеста Хемінгуея в українському літературному процесі ХХ століття (рецепція і типологія) : автореф. дис. : канд. філол. наук : 10.01.05. Тернопіль, 2005. 23 с.
- Читанка з історії філософії : у 6 кн. / заг. ред. Г. І. Волинки. Київ : Фірма «Довіра», 1993. Кн. 6 : Зарубіжна філософія ХХ століття. 239 с.
- Шопенгауэр А. Избранные произведения / сост., авт. вст. ст. и прим. И. С. Нарского. Ростов н/Д : Изд-во «Феникс», 1997. 544 с. (Выдающиеся мыслители)

#8 (48), 2019 część 7
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#8 (48), 2019 part 7
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com>